

Ольга Росса

Медвежий капкан
для доктора
попаданки

Ольга Росса

**Медвежий капкан для
доктора-попаданки**

«Литнет»

2025

Росса О.

Медвежий капкан для доктора-попаданки / О. Росса — «Литнет», 2025

Хотела отдохнуть с друзьями на природе, но провалилась в портал и оказалась в прошлом, в теле несчастной женщины, замученной жестоким мужем-помещиком. Я не стану терпеть унижения и боль — разведусь и заберу маленькую дочь. Правда, это практически невозможно в 19-м веке, но я не сдамся. В посёлке появился богатый купец, который приобрёл местный завод. Нового хозяина люди боятся и шепчутся о нём с ужасом, но он мой единственный шанс на свободу и независимость. Вот только в уплату за помощь я должна стать его любовницей. В книге вас ждут: ♥# сильная и нежная героиня ♥# герой вселяющий ужас (но добрый внутри) ♥# чужих детей не бывает ♥# альтернативная Россия XIX века ♥# возмездие мужу-обидчику ♥# счастливый финал Книги цикла однотомники, можно читать в любом порядке. Книга полностью написана и отредактирована ЧЕЛОВЕКОМ, без использования нейросетей.

© Росса О., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Визуал героя	10
Глава 1. Поездка с друзьями	11
Красоты Урала - Каменный город	15
Глава 2. Новая жизнь	30
Глава 3. Я попаданка	33
Глава 4. Муж-тиран	35
Глава 5. Признание	37
Глава 6. План Саввы	40
Глава 7. Детали плана	43
Глава 8. Беседа	46
Глава 9. Сон о прошлом	49
Глава 10. Настенька	54
Глава 11. Странности	59
Глава 12. Помощь	62
Глава 13. Первое исцеление	65
Глава 14. Насыщенное утро	68
Глава 15. Разговор не по душам	71
Глава 16. Вместе	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Книга является объектом авторского права. Запрещено копировать, распространять, публично показывать, а также любое использование без предварительного письменного согласия правообладателя (автора).

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ. ОДНОТОМНИК

Пролог

Сани лихо скользили по выпавшему накануне снегу. Наконец-то подморозило, грязь превратилась в твёрдую опору для лошади. К закату мороз усилился, и гнедая кобыла резво ска-

кала по дороге. Половинка луны показалась над чёрным лесом, едва освещая путь. На ясном небе мерцали звёзды, указывая путешественникам направление на север.

Впереди замелькали огни рабочего посёлка. Савва Тимофеевич Холодов уже мечтал поскорее оказаться дома и отдохнуть — он проделал большой путь из Москвы на Урал в свои новые владения. С развитием железной дороги добираться в отдалённые земли империи стало проще, но всё равно утомительно. Пассажирский поезд до Всеволодо-Вильвы ещё не ходил, и купцу пришлось тащиться от конечной станции Луньевской на санях.

— Ваше степенство, а быстро мы нынче добрались? А? — присвистнул кучер, обернувшись к хозяину.

Только путник хотел ответить, как ветер донёс до его носа цветочный запах. Холодов заметил на белом снегу тёмное пятно, похожее на лежащего человека.

— А ну, Егорка, тормози! — крикнул он, привстав. Нет, ему не показалось.

— Тпру-у-у! Стой, Тамарка! — Кучер натянул вожжи.

Сани ещё не успели остановиться, как купец выскочил и в два шага оказался рядом с лежащим на обочине человеком.

Нежный цветочный запах шёл от платья женщины. Холодов опустился на колени и первым делом проверил, дышит ли она. В темноте было сложно разглядеть, ранена женщина или нет, но металлического запаха крови купец не почувствовал.

— Господи Иисусе, — перекрестился кучер, когда последовал за хозяином. — Околела бедняжка.

— Нет, жива пока, — выдохнул купец, ощутив слабое сердцебиение. Снял с себя пальто на соболином меху, закутал женщину и аккуратно поднял её на руки.

Он быстро дошёл до саней и с небывалой лёгкостью, словно его ноша ничего не весила, вернулся на тёплое место.

— Гони, Егорка, к лекарю или к доктору! — скомандовал кучеру. — Кто у вас есть в посёлке?

— Батюшки, это же Татьяна Ивановна, — охнул мужик, разглядев бледное лицо брюнетки под тусклым светом фонарей, прикреплённых к саням.

— Ты знаешь её? — удивился Савва Тимофеевич, смотря на тонкие черты молодого лица.

— Кто ж не знает супружницу помещика Трухина, — пробубнил в бороду кучер.

— Того самого, у которого лесопилка? — Холодов лично не встречался с ним, но как раз собирался на днях.

— Он самый, — кивнул Егор.

Сани дёрнулись и заскользили под стук копыт.

— Нету в посёлке доктора, ваше степенство. Вернуться назад?

— Нет. Боюсь, не довезём. Жизнь в ней еле теплится. Гони скорее домой, — вздохнул мужчина, понимая, что женщина вот-вот умрёт у него на руках.

Кучер ударил вожжами кобылу, и та понеслась быстрее.

— Разве на заводе не было врача? — громче пробасил Холодов, чтобы кучер услышал его.

— Был приписной. Да только как закрыли цеха, забрали его обратно в Пермь. Одна у нас барыня Трухина осталась на всё селение.

— Она что же, врач? — взгляд его невольно упал на умирающую женщину, которую он крепко держал в руках.

— Татьяна Ивановна по бабьему делу в основном ведаёт. Да всё равно все к ней ходят, ежели захиредаёт кто. Говорят, прабабка ей дар свой передала, научила травам да заговорам всяким, — почесал затылок кучер. — Помещик Трухин взял её из деревни кержаков*. Люди треплются, будто Татьяна спасла его от хвори, а он шибко влюбился в неё. Девушка-то ладная,

вот и женился, — громко рассказывал Егор через плечо, не отвлекаясь от дороги. — Неужто надругался кто над барыней? Али каторжане из острога сбежали?

Холодов наклонился над женщиной и втянул носом воздух, принюхиваясь.

— Нет, Егор, пахнет от неё яблочным пирогом да мёдом. Из добротного дома она сюда пришла... или привезли, бросив умирать, — покачал головой. — Каторжане тут точно ни при чём.

— Не может быть, ваше степенство, — возразил кучер. — Татьяну Ивановну шибко уважают сельчане да побаиваются немного. Это явно кто-то из пришлых. Увидали хорошенькую бабёнку и решили позабавиться, ироды.

Холодов не стал спорить с мужиком. Он, может, и хорошо знает своих односельчан, да только обоняние купца не подводило ни разу. Никто не насиловал женщину, её явно избили до полусмерти. Он чувствовал, сколько боли пришлось вытерпеть несчастной.

Сани влетели в посёлок и через минуту остановились у добротного деревянного дома с кружевными наличниками. Мужчина как мог аккуратно и быстро покинул сани, неся еле живую женщину к высокому крыльцу. Она ещё дышала, но неизвестно, сколько минут оставил ей бог.

Холодов поднялся по ступеням и с ноги открыл дверь, войдя в сени. В нос ударили разнообразных запахи: сена, старой древесины и мёда.

— Марья! В мою комнату тёплую воду! Быстро! — проорал он, умудрившись потянуть на себя одной рукой следующую дверь.

Где-то загромыхла посуда, женский голос с ужасом начал шептать молитву.

Холодов уверенно прошагал по коридору и через пару шагов оказался в своей спальне, где бережно уложил женщину на широкую кровать. Тут же появилась пожилая ключница с подсвечником в руке.

— Батюшки! Что же это делается-то? — заохала женщина и поставила свечу на комод.

— Марья Никитична, неси бинты, — потребовал хозяин, взглянув на прислугу. — Живее только.

Ключница кивнула и поспешила выполнять указание.

Савва Тимофеевич подошёл к комоду, достал из ящика ножницы. Первым делом нужно снять промокшее платье с бедняжки, но мужчина боялся потревожить ещё сильнее пострадавшее тело, страшась, что могут быть переломы.

Он развернул женщину из своего пальто и ловко разрезал зелёное платье из тонкой шерсти. Подобные наряды состоятельные женщины обычно носят в гости к близким людям или надевают дома для уютного семейного вечера с самоваром и плюшками.

Когда нижняя батистовая сорочка на груди женщины была разрезана, ужчина сжал зубы от ярости. На несчастной не осталось живого места, сплошные синяки. Её тело превратили в месиво.

— Вот же выродки, — процедил он, продолжая освобождать пострадавшую от одежды. — Кто же сотворил подобное?

В этот момент в комнату вернулась ключница, неся медный таз с тёплой водой.

— Матерь Божья, — с ужасом прошептала она, застыв посреди спальни.

— Поставь таз на стул, — указал мужчина, — и уходи. Никого сюда до утра не впускай. Поняла?

— Да, барин, поняла, — от страха женщина сама была ни жива ни мертва. Она поставила таз на стул, не отрывая взгляда от умирающей женщины, и попятилась к выходу.

Дверь хлопнула, чуть не задув единственную свечу сквозняком. Тени закружились по комнате в бешеной пляске.

— Велес-покровитель, прославляю тебя, ибо ты опора моя, — раздался вкрадчивый шёпот в тишине. — Не оставь меня, услышь мольбу мою. Огради Татьяну от врат царства Марены...

(*) *Кержаки* - так называли на Урале старообрядцев.

Визуал героя

Дорогие читатели, знакомьтесь с нашим героем.

Холодов Савва Тимофеевич, 29 лет. Купец, главный владелец Никольской текстильной мануфактуры. Купил на Урале завод, чтобы пересторить его в химический.

Он богат, влиятелен, не обделен женским вниманием, но жениться не торопится, так как есть у него один секрет. А какой, обязательно узнаем.

Глава 1. Поездка с друзьями

Глава 1. Поездка с друзьями

Новенький кроссовер мчался по трассе, стремительно приближаясь к пункту назначения. Навигатор показывал, что осталось ехать минут десять. Наконец-то, а то почти три часа ушло, чтобы добраться до Каменного города. И кому в голову могла прийти затея отправиться в ноябре на природу? Только моей подруге Вике Ложкиной, любительнице походов. Она ещё в школе моталась по различным турслётам. Со своим будущим мужем познакомилась на очередном сплаве по Усьве.

— Тань, чего приуныла? Скоро приедем, — подруга ткнула меня в бок и подмигнула, еле слышно прошептывая: — Как тебе Марк?

Я недовольно фыркнула и снова уставилась в окно, смотря на проплывающую мимо тайгу. Нашла время и место расспрашивать. Надеюсь, музыка из динамиков помешала пассажиру и водителю услышать заговорщицкий шёпот.

— Викусь, а ты не забыла положить детскую кашу в сумку? — Никита обернулся, внимательно посмотрев на жену.

— Твою дивизию! — ахнула подруга, испуганно поджав губы. — Я ж её в руках держала, а тут Борька меня отвлёл со своим конструктором.

— Ну всё. Юлька осталась без каши. Чем мама будет кормить внучку, пока мы на природе отдыхаем? — мужчина покачал головой, вздохнув. — Ничего нового. Если сам не контролирую, обязательно что-то пойдёт не так.

— Да ладно, Никитос, ничего страшного не произошло, — спокойно отреагировал водитель машины, тот самый Марк. Он уверенно держал руль, не отвлекаясь от извилистой дороги. — Закажи кашу в магазине с доставкой на дом, раз Вера Анатольевна одна с детьми сидит. Сейчас все супермаркеты предоставляют такую услугу.

— Точно! Марк, ты голова, — облегчённо вздохнул Никита и достал мобильник из кармана. — Чёрт! Связи нет. Тормознёшь возле посёлка, чтобы я смог оформить доставку.

— Без проблем, — кивнул водитель и улыбнулся мне в зеркало заднего вида.

Надо признать, Вика оказалась права, когда вчера по телефону расписывала мне, какой классный мужчина приехал погостить в Пермь. Все уши мне прожужжала про друга Никиты из Питера, назвав его брутальным мачо. Марк действительно впечатлил высоким ростом и широкими плечами. Светловолосый, сероглазый, аккуратная бородка, бархатный голос — прямо модель из рекламы. И по возрасту мы с ним где-то ровесники, около тридцати двух лет.

Вика если что придумает, трудно её отговорить. Сейчас у неё идея фикс найти мне жениха. «Тебе скоро тридцать три, пора уже о семье подумать», — повторяла она регулярно при каждой встрече. Я, конечно, не против, да только где ж взять нормального мужчину? На работе, в перинатальном центре, коллег мужского пола не так много, да и то уже всех расхватали медсестрички или акушерки. Как гинеколог, я понимаю, что давно пора замуж и потомством обзавестись, но не везёт мне катастрофически. Вечно на козлов всяких натываюсь.

Я украдкой взглянула в зеркало на отражение Марка. С виду приличный мужчина. Вика говорила, у него своя фирма, связанная с компьютерами. Может, стоит узнать его поближе?

— Тормози! Тут вроде ловит, — Никита уткнулся в телефон. Машина плавно остановилась на обочине.

— Таня, а ты была в Каменном городе? — Марк повернулся и с улыбкой на губах посмотрел на меня.

— Нет, — честно призналась я. — Как-то не довелось.

— Вот и я вырос на Урале, а ни разу не был, — усмехнулся он. — Решил, что в этот раз непременно нужно съездить, специально на машине приехал из Питера. По Мальдивам катаемся, а родных мест не знаем.

— А я раз пять была тут, — вмешалась в наш разговор Вика, — и на Усьвинских столбах тоже. Может, и до них дойдём? А?

— Нет, Вика, я на такое не подписывалась, — возмутилась я. — Ты же знаешь, я далеко не турист. Каменный город ещё куда ни шло. Но до столбов пилить пешком несколько километров. И вообще там гораздо опаснее.

— Согласен с тобой, Танюш. Туда лучше идти с опытным проводником, — поддержал меня Марк. — Посидим на берегу Усьвы, пожарим шашлык после прогулки по Каменному городу.

— Спасибо. Этот план мне гораздо больше нравится, — вздохнула я с облегчением.

— Ну всё, заказал. Через пятнадцать минут доставят. Сервис! — Никита помахал телефоном. — Поехали.

Машина тронулась с места и свернула на грунтовую дорогу. Через пять минут мы добрались до таёжной парковки, где стоял информационный стенд, указывающий, что мы приехали правильно.

— Смотрите, сувениры до сих пор продают, — Вика указала в сторону тропинки из деревянного настила. Недалеко от неё стоял раскладной стол с различной сувениркой, от магнитов до глиняных игрушек.

Пожилая женщина одиноко сидела на стульчике, кутаясь в тёплую шаль. Ни машины, ни какого-либо транспорта, на котором она могла приехать, не наблюдалось. Неужели пешком пришла? Или муж привёз, а сам уехал, оставив жену до сумерек.

Мне почему-то стало жалко местную жительницу. Она ведь не от сытой жизни сидит здесь в надежде, что кто-нибудь приедет на природную достопримечательность поглазеть и, возможно, купит сувенир на память о Каменном городе.

Я не раздумывая подошла к столику, рассматривая всякую всячину.

— Таня, пошли. На обратном пути купишь, — позвала меня подруга, остановившись на деревянном мостке.

— Идите! Я догоню, — крикнула и улыбнулась женщине. — Здравствуйте. И не холодно вам тут сидеть? Всё же на улице минусовая температура.

— И тебе доброго здравия, красавица, — глаза у женщины радостно засветились. — Не волнуйся, у меня шалёшка тёплая. Решила ещё единова посидеть тут. Погода ладная, солнышко с утра светило ярко, подморозило слегонца. Думаю, суббота, авось приедет кто на Чёртово городище.

— Ого! Это вы так называете Каменный город? — удивилась я.

— Так столько легенд про него ходит. Ты смотри да по сердцу выбирай, — ласково произнесла продавщица, проведя рукой над сувенирами.

Моё внимание привлекла простая глиняная птичка-свистулька, небольшая, с торчащим длинным хвостом. Ни глазури, ни краски на ней не было, сразу видно ручную работу. Меня так и тянуло к ней. Я взяла игрушку. На ощупь она была шершавой и тёплой, несмотря на холодную погоду.

— Это мокрый соловей, — закивала женщина. — Посвисти в него. Говорят, его трель отгоняет нечисть и хвори разные.

Я достала из кармана пачку влажных антибактериальных салфеток и протёрла птичий хвост. Мало ли кто в него уже подудеть успел. Продавщица лишь усмехнулась моим манипуляциям, но ничего не сказала.

Обхватив губами кончик глиняного хвоста, я набрала в лёгкие воздух и слегка дунула. Переливчатая трель вылетела из свистульки, словно пел настоящий соловей.

— Как здорово! — я разглядывала вроде простую игрушку, но звуки она издавала совершенно волшебные. — Там внутри вода?

— Да. Немного наливаешь и дуешь, — кивнула женщина.

— Бери. Сколько стоит? — я достала из рюкзака кошелек.

— Сколько не жалко, — хитро прищурилась она.

Открыв кошелек, я обнаружила только одну тысячу. Наличных обычно у меня не водилось, всё картой пользуюсь. Знала ведь, что поедем в глубинку, где принято расплачиваться бумажными деньгами, и совсем забыла снять наличку в поездку.

Я положила купюру на стол.

— Спасибо, — женщина тут же спрятала выручку, убрав за пазуху. — Может, магнитиков ещё возьмёшь в придачу? Много ведь дала, а сдачи у меня нет. Ты первая покупательница.

— Нет, не нужно. Я не люблю, когда холодильник превращается в новогоднюю ёлку, — отмахнулась я, забрав птичку. Вытряхнула из неё воду и положила в нагрудный карман.

— Возьми тогда ленту. На городище есть деревце. Обвяжи ветку да желание заветное загадай — непременно исполнится, — продавщица протянула мне ворох коротких разноцветных атласных лент. — Выбирай. Белую ленту на здоровье загадывают. Зелёную — на богатство. Жёлтую — на славу. Синюю — на удачу в делах. Алую — на любовь.

Рука сама потянулась к красной ленточке и выбрала её из общей кучи.

— Спасибо. Непременно загадаю, — улыбнулась я, засунув подарок в карман куртки.

— Только за него не проси, — покосилась женщина в сторону. Мой взгляд последовал за ней, и я увидела Марка, ожидающего меня на мостке. — Не достоин он тебя.

Я призадумалась, взглянув на мужчину. Откуда такая осведомлённость? Но ничего не сказала.

— Благодарю. До свидания, — мои губы дрогнули в улыбке, и я поспешила к дорожке.

— Что-то интересное купила? — Марк изогнул бровь, глянув на меня со снисхождением. Наверное, подумал, что я какая-то малахольная, раз тысячу отдала за простую игрушку.

— Да, очень нужную вещь, — иронично ответила я. — Пошли скорее, а то Вики с Ники той уже не видно, — и рванула вперёд, ступая по деревянной дорожке.

Каменный город меня впечатлил. Мне понравилось бродить по узким проходам между скалами, словно по улочкам древнего города. В это время года туристов было мало. Мы сегодня единственные посетители, и это радовало — я наделала множество живописных фотографий, снимая на телефон.

Очень хотелось залезть на возвышающуюся каменную глыбу, похожую на черепаху, — я как раз увидела на скале верёвочную лестницу, но Вика с Марком отговорили меня. Камень от недавних дождей обледенел на морозе, и взбираться на него стало небезопасно. Жаль, оттуда, наверное, обалденный вид на бескрайнюю тайгу, которая простирается у подножия скалистого массива.

Оглядываясь по сторонам в поисках того самого дерева, я заметила на вершине одной из скал то, что искала. Разноцветные тряпочки дрожали на ветру. Хоть желание загадаю, раз не получилось взобраться на “черепаху”. Отговаривать меня никто не стал. Вика посмеялась над моей затеей. Она рассказала, что когда-то давно несколько раз повязывала на дерево ленточки и её желания вообще не исполнились.

— Просто ты не то загадывала, — пожала я плечами и пошла одна вверх по тропинке.

Поднявшись, я подошла к тонкому деревцу, которое умудрилось вырасти прямо на скале. Достала из кармана ленту, зажав её в руке. Сердце вдруг зачастило в груди.

— Я хочу встретить своего мужчину, — вкрадчиво прошептала я. — Мне не важно, богат он или нет, красив ли, как Аполлон. Главное, чтобы он понимал меня, любил, берёг, словно самое дорогое, что у него есть. Чтобы был мне другом, и любовником, и мужем. Пусть

мы встретимся с ним как можно скорее. Неважно, где и каким образом. Я хочу просто быть счастливой.

Я повязала ленту на ветку. Она сразу затрепетала на ветру. Улыбнувшись, я обернулась и замерла. Прямо на краю скалы спиной ко мне стояла женщина. На ней было красное длинное пальто в винтажном стиле, на голове шляпка. Откуда она тут взялась? Кроме нас, здесь никого ведь не было.

Женщина качнулась, едва держась на ногах. У меня чуть сердце не оборвалось — упадёт ведь!

— Эй, вы бы не стояли так близко к краю, — я осторожно приближалась к ней. Не хватало ещё спастись самоубийцу.

— Настенька моя, — простонала женщина, заламывая руки. — Спаси её. Прошу.

— Кто такая Настенька? — недоумевала я, ступая по каменистой поверхности.

— Доченька, единственная моя отрада. Прошу, заberi Настеньку. Мне страшно за неё. Он и её зашибёт в порыве гнева.

В спину ударил ледяной ветер, и у меня мурашки побежали по коже. О ком говорит эта женщина? Сумасшедшая какая-то.

— Давайте спустимся, и вы мне всё расскажете. Хорошо? — я наконец-то приблизилась к ней. Женщина резко обернулась.

У меня внутри всё похолодело. Я смотрела на собственное отражение: тёмные волосы, прямой нос, голубые глаза, в которых сквозили тоска и отчаяние. Я забыла, как дышать. Что за чертовщина?!

Порыв ветра ударил в спину, и ботинок поехал по обледенелому камню. Взмахнув руками, я полетела вниз.

Наша современница Татьяна, 32 года. Врач акушер-гинеколог, не замужем.

Красоты Урала - Каменный город

Дорогие читатели, хочу поделиться с вами красотами нашего Урала - фотографиями Каменного города. природного памятника. Нашла я фото из личного архива, кроме первого (оно из открытого интернет-источника).

Горы называются "Черепаха"

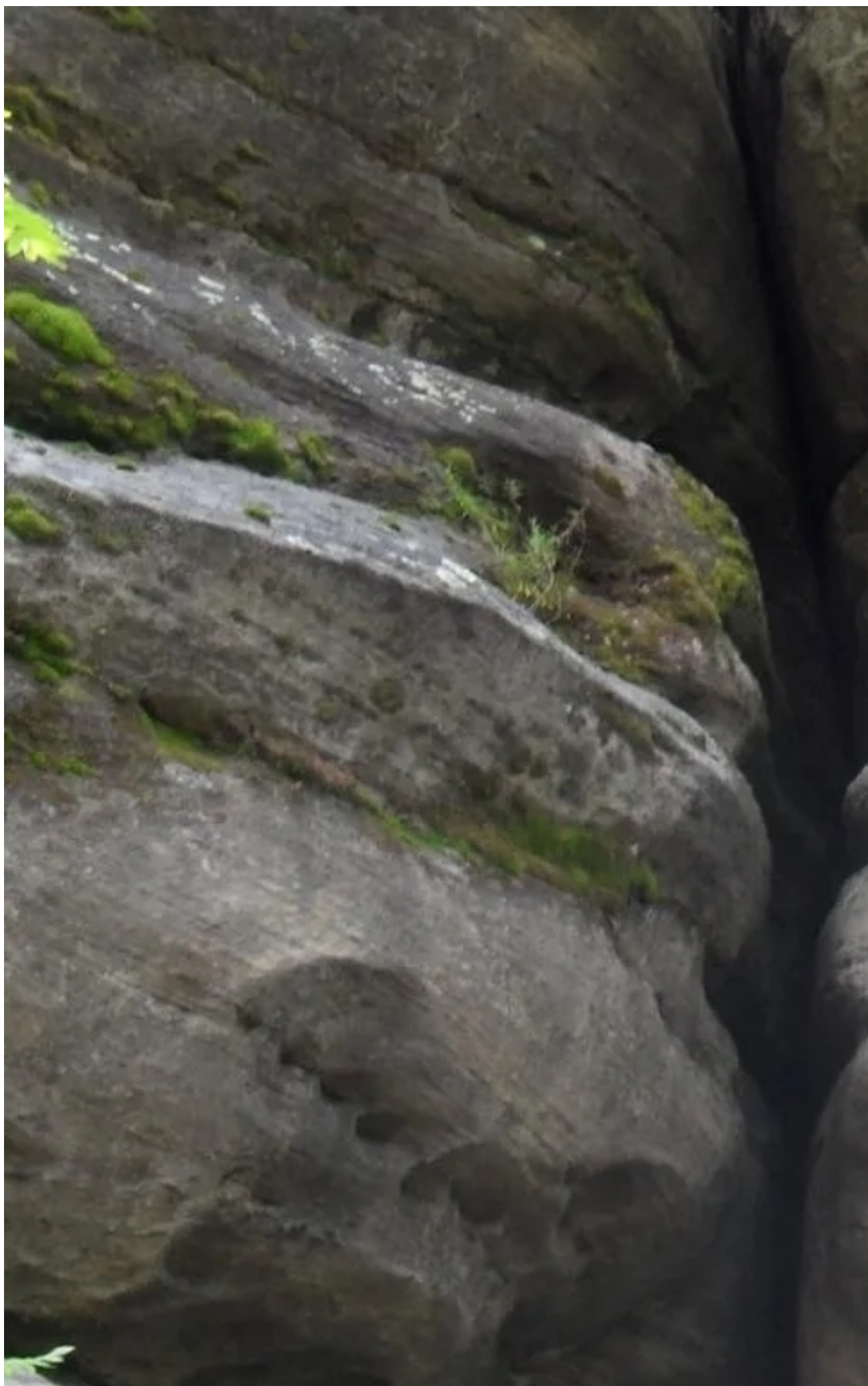

"Улицы".

Моя мама и старшая дочка, ей тогда было 5,5 лет вроде :))

Вот такая красота. Если ещё не бывали, при возможности посетите Каменный город, Пермский край, Гремячинский район.

Глава 2. Новая жизнь

Глава 2. Новая жизнь

Больно невыносимо, я горела изнутри, не понимая, где нахожусь. В аду? Огонь пожирал меня, и, когда совсем становилось нестерпимо, я проваливалась в чёрную бездну, чтобы вынырнуть и снова ощутить боль. Хотелось кричать, но сил не было даже стонать.

Сознание путалось; временами я ощущала тяжёлое одеяло, давящее на грудь. Иногда чужие голоса доносились откуда-то издалека. Говорил в основном мужчина. Его приятный баритон бормотал странные фразы, похожие на молитву. Женский голос тихо причитал, но звучал ласково, словно мать укачивала своего ребёнка. Запах трав и восковых свечей до одури выматывал меня, и я опять проваливалась в небытие.

Однажды боль притупилась, лёгкие не горели, и стало легче дышать. Правда, теперь мучила меня жажда. В памяти всплыли последние моменты из жизни. Кажется, я упала с горы и, видимо, сильно покалечилась. Скалы в Каменном городе невысокие, но неудачно упав, можно и шею свернуть или калекой на всю жизнь остаться.

Попыталась пошевелить пальцами — получилось. И ноги ощутила, сумев подвигать стопами. Хороший знак — буду ходить. Пока я не решила на более сложные движения, так как рёбра жутко болели и чувствовала себя мешком костей.

Я наконец-то смогла открыть глаза и вместо больничной палаты увидела странную комнату. Здесь всё было из дерева: стены, потолок, рамы небольших окон, которые обрамляли плотные синие шторы из бархата. У стены стояли новый комод и лакированный шкаф — всё в винтажном стиле из массива, с резным декором на дверцах. Похоже, ручная работа.

В противоположной стене выпирала часть печки с настоящими изразцами. Я подобную видела в музее-усадьбе какого-то барина. Кажется, на улице рассвет или закат — было сумрачно. Свеча на столе слабо освещала помещение. Электричество отключили? Где я вообще нахожусь? И спросить не у кого.

Однако так жутко пить хочется, что язык к нёбу прилип. Подать голос, что ли, может, кто услышит.

— Эй, — прохрипела, еле пошевелив распухшим языком, — кто-нибудь.

Сил не было даже говорить. Так меня никто не услышит. Превозмогая боль, я с трудом опёрлась локтями в постель и приподнялась. Набрав в грудь воздуха, позвала ещё раз:

— Кто-нибудь... подойдите, — и рухнула обратно на лежанку.

Тут же послышались шаги. Дверь распахнулась, являя на пороге мужчину. Он склонил голову, чтобы не удариться головой о притолоку, и в два шага оказался возле постели.

— Татьяна Ивановна, вы очнулись, — он смотрел на меня так, будто успел похоронить десять раз, а я вдруг ожила.

Но в первую очередь моё внимание привлёк тёмно-серый костюм, который отлично сидел на его широких плечах — ткань добротная, шерстяная, слегка помята, а фасон напоминал моду даже не прошлого века, а позапрошлого.

— Вы кто? — еле прохрипела я, смотря в глаза цвета чая.

— Простите. Не представился. Холодов Савва Тимофеевич, — поспешил он назваться.

— Можно воды? — кашлянула я, прочистив горло.

Мужчина кинулся к столу, где стоял графин, налил в стакан воды и вернулся, протянув его мне. Я не могла приподняться. Холодов тут же ладонью подпёр меня под лопатки, приподняв, и поднёс к моим губам стакан.

Жадно припав к нему, я быстро выпила всю воду.

— Спасибо.

Савва аккуратно помог мне лечь на подушку.

— Почему я не в больнице? — говорить стало легче после того, как я утолила жажду.
— И где я нахожусь?

— Вы в моём доме. Три дня назад я нашёл вас на обочине дороги. Боялся не довезти вас до Луньевки, да и там вряд ли бы нашёлся знающий врач, — неторопливо говорил он мягким баритоном, словно окутывал пуховым одеялом. — Я уж и не чаял, что вы проснётесь.

Ничего не понимаю — какая ещё Луньевка? Где это вообще? Город? Пока я думала, хозяин продолжал свой рассказ, который звучал всё более странно.

— Кучер мой признал вас, Татьяна Ивановна. Я съездил к вам домой и сообщил, что случилось с вами несчастье, — вздохнул мужчина. — Ваш муж приехал вчера с батюшкой. Они хотели уже соборовать вас, но я прогнал их взащей. Рано вам ещё на тот свет.

— Какой ещё муж? — не понимала я, что за чушь он несёт.

Холодов изумлённо посмотрел на меня, но не успел ничего сказать, как дверь открылась и на пороге появилась пожилая женщина в цветном платке.

— Барин, управляющий приехал. Требуется вас, — обратилась она к мужчине. Барин? Это прозвище у него такое?

— Иду, Марья Никитична, — бросил он женщине и посмотрел на меня. — Извините, Татьяна Ивановна, мне пора. Позже поговорим. Сегодня запускаем электростанцию на завод, а вскорости и в посёлке будет свет. Важный день, сами понимаете.

Сказал он это с таким видом, как будто вот-вот произойдёт событие века.

— Марья Никитична вас накормит. Ежели что надобно, зовите её. Она в доме главная и обязательно поможет, — добавил мужчина.

— Хорошо, — вздохнула я, подняв взор на потолок.

Мужчина вышел, закрыв дверь, а я принялась разглядывать люстру. Белый плафон, одна большая лампочка накаливания — давно таких не видела. Выглядел предмет интерьера под стать общему винтажному стилю, правда, электричества почему-то нет. Новую станцию запускают, как я поняла.

Куда меня занесло? В какую глушь? И где мои друзья? Не могли же они меня бросить на произвол судьбы. Точно, нужно найти мобильный телефон и позвонить Вике. Но тут я поняла, что жутко хочу в туалет. Буду решать проблемы по мере их поступления.

Собравшись с силами, я откинула одеяло и с трудом села на кровати. Всё тело болело, под хлопковой сорочкой грудь туго перетянули бинты. Упираясь о постель, я привстала и тут же рухнула обратно, заметив свои руки. С изумлением поднесла ладони к лицу. Куда делся мой свеженький френч? Ногти коротко подстриженные, ровные, вполне ухоженные, слегка отполированные, но совершенно без лака. Да и сами руки будто вовсе не мои. А чьи тогда?

От волнения закружилась голова, дыхание участилось — страшная догадка закралась в голову. Нет, не может быть. Просто слишком много книг про попаданок читала. Сейчас поднимусь, найду зеркало и увижу своё отражение. Только бы встать.

В этот момент дверь снова открылась.

— Барыня, куды ж вы собрались? — ахнула женщина, войдя с подносом в руках. Запахло чем-то вкусным. — Чуть ведь живёхонькая. А ну ложитесь, нельзя вам вставать. Хозяин говорил, рёбра у вас сломаны.

— Рёбра? — вздохнула я, понимая теперь, почему тугая повязка сдавила мне грудь. Судя по всему, других переломов нет.

— Да ведь с того света вас барин вытащил, все ночи молился, — покачив головой, женщина поставила поднос на прикроватную тумбочку. — Кто ж вас горемычную так? А?

— Упала с горы, — я сглотнула слюну, ибо есть сразу захотелось, как увидела куриный бульон в тарелке. Пахло божественно вкусно. — Я в туалет хочу. Помогите, мне пожалуйста.

— Сейчас, Татьяна Ивановна, — кивнула она и подошла к шкафу. И откуда они все моё имя знают? Что за кучер узнал меня? Звучит как кличка какого-то бандюги.

Женщина протянула мне широкую фарфоровую вазу с ручкой и крышкой, больше похожую на супницу.

— Что это? Горшок? — поняла я назначение предмета.

— Он самый. Помочь вам, барыня?

Кое-как справились мы вдвоём. Я поблагодарила женщину и откинулась на подушки полусидя. Марья Никитична принесла мне влажное полотенце, чтобы я смогла обтереть лицо и руки, раз пока мне тяжело вставать. После всех манипуляций я наконец-то принялась за еду. Женщина поставила мне на колени поднос, и я не спеша ела бульон. Пока она была тут, я решила осторожно выяснить всё у неё.

— А где мои вещи?

— Платье ваше барин порезал, чтобы снять. Боялся потревожить вас лишним раз, — потупила взор женщина. — А сапог на вас не было.

Платье? Вот ещё одна странность. Я в последний раз платье на новый год надевала, но решила промолчать.

— Я что же, босая была? — уточнила, когда прожевала кусок хлеба.

— Ни валенок, ни башмаков, ничегошеньки, только чулки, — подтвердила она. Я заметила странный словарный запас Марьи, словно она из прошлого века явилась. И чулок я вообще не носила. Сомневаюсь, что мобильный телефон остался. Что же произошло со мной? Столько вопросов, что в голове не укладываются все эти странности и нелепицы.

— Принесите, пожалуйста, зеркало, — наконец-то отважилась я взглянуть на себя.

— Сейчас, обождите немного, — всполошилась женщина и вышла из комнаты. Пока она ходила, я доела бульон. Сразу силы прибавились, правда, тело всё равно ныло.

За окном стало светлее, но из-за пасмурной погоды складывалось ощущение, что день никогда не начнётся и скоро наступит ночь — знакомая уральская зима. Если я вообще на Урале.

Вернулась Марья Никитична, она принесла небольшое круглое зеркало в бронзовой раме.

— Скажите, мы на Урале? — посмотрела я на женщину, осмелившись произнести мучивший меня вопрос.

— А где ж ещё? — удивилась она и развернула ко мне зеркало. — Во Всеволодо-Вильве и живём.

«Где?» — хотела я переспросить, но слово застряло в горле.

Я уставилась на собственное отражение.

— Господи, — прошептала с ужасом, разглядывая себя.

Я смотрела на женщину, один в один как я, только моложе лет на пять-семь. Те же голубые глаза, тёмные волосы, кожа, правда, бледная, словно я не загорала никогда. На шее и ключице виднелись синяки от пальцев. Меня хотели задушить? Или всё же не меня?

Глава 3. Я попаданка

Глава 3. Я попаданка

Татьяна

«Вот я попала!» — подумала про себя, сопоставив всё услышанное. Это точно не моё тело, хоть и похожи мы с тёзкой как сестры-близнецы. Слишком много невероятных фактов. Голова и так кружилась, было трудно дышать, а сейчас и вовсе поплохело мне.

— Что же случилось с вами, Татьяна Ивановна? — с сожалением смотрела на меня женщина, осмелившись задать мучивший её вопрос.

— Не помню ничего, — с трудом выдавила я из себя. Пока лучше всё свалить на амнезию. — Я даже не могу вспомнить имени мужа. Вы знаете его?

— Батюшки! — ахнула она. — Немудрено, чуть ведь живёхонькой остались. Как не знать-то помещика Трухина, супруга вашего. Иннокентию Мокеевичу половина лесных угодий принадлежит, хозяин практически в посёлке.

— Да, точно, Иннокентий Мокеевич, — вздохнула я, но слова женщины обескуражили меня. Помещик?!

— А какой год сейчас и месяц? — задала я вопрос, страшась услышать самый невероятный ответ.

— Ноябрь нынче, год одна тысяча осемьсот девяносто первый, — выдала женщина. — Шестнадцатое число.

Воздух выбило из лёгких, холодный пот прошиб меня.

Это сон... сон... Я прикрыла глаза в надежде, что сейчас проснусь в больнице, а это всё просто бред моего воспалённого мозга. На самом деле я просто лежу в коме.

— Барыня, вам плохо? — забеспокоилась Марья Никитична. — Ох как не вовремя-то хозяин уехал на завод. Может, водицы вам дать?

— Лучше чаю, — я открыла глаза, понимая, что нет, это точно не кома и не сон вовсе. Я правда попала в прошлое в тело женщины, которую чуть не убили.

— Хорошо — закивала женщина. — Скоро принесу, в аккурат самовар должен закипеть. Марья Никитична торопливо вышла из комнаты.

Я шумно вздохнула. Нельзя раскисать, не время падать духом. Конечно, ещё теплилась надежда на то, что мне всё увиденное снится в коме, но я отчётливо понимала, что это не так.

Каким-то чудом я оказалась в прошлом. Интерьер комнаты, фасон одежды на людях, которых я успела увидеть, отсутствие электричества в доме — всё говорило о том, что моя душа переместилась в тело женщины, живущей в девятнадцатом веке. У неё есть муж и дети, наверное. В те времена с рождением потомства точно не тянули. И что же делать?

По сути, я теперь Трухина Татьяна Ивановна. Если начну всем подряд говорить, мол, я не она и знать не знаю никакого мужа и детей, люди могут принять меня в лучшем случае за умалишённую, в худшем за бесноватую. И кто знает, что меня тогда ждёт.

Надо быть осторожнее, по возможности списывать всё на провалы в памяти. Я не хочу ни в богадельню, ни в психушку. Только что мне делать с мужем, которого я не знаю? Чувствую, предстоит в скором времени познакомиться с ним. И есть ли у Татьяны дети?

«Доченька, единственная моя отрада. Прошу, забери Настеньку. Мне страшно за неё», — вдруг всплыли в голове слова женщины у обрыва. Это ведь была она! Татьяна Ивановна Трухина, в чьё тело попала моя душа. Значит, у неё есть дочь.

Вот только от кого забрать Настеньку, непонятно. И где сейчас девочка? Наверное, дома с отцом. Где же ей ещё быть.

«“Он и её зашибёт в порыве гнева», — вспомнилась последняя фраза, от которой похолодело всё внутри и стало дурно до тошноты. Неужели муж такое сотворил с собственной женой? Надеюсь, Татьяна имела в виду не его, иначе представить страшно, что это именно так.

Мои раздумья прервала Марья Никитична, за что я была ей благодарна, так как голова уже опухла от собственных мыслей. Женщина несла на подносе кружку горячего чая, от которого пахло душицей, и вазочку с мёдом.

— Вот, Татьяна Ивановна, чаю вам принесла, как вы и велели, — и поставила поднос на прикроватную тумбочку. — Медку вам, чтобы поправлялись скорее.

— Благодарю, — я взяла кружку и сделала первый глоток.

— Всё село уже ведает, что с вами случилось. Люди шибко переживают о вас. Разное говорят.

— Что именно? — решила я послушать местные сплетни, может, узнаю что-нибудь о жизни моей предшественницы.

— Все знают, какой свирепый нрав у Иннокентия Мокеевича, — с осторожностью говорила женщина. — В прошлом году он чуть лесничего не зашиб за то, что пожар в лесу случился, да рабочие с лесопилки ему не дали.

Она замолчала, явно не зная, как сказать деликатнее.

— Говаривают, что супруг вас ревновал к управляющему завода, — продолжила Марья Никитична. — Вы, барыня, Фому Егорыча давеча от простуды лечили. И он к вам в дом вхож был. Вот люди и треплются, лишь бы языками чесать.

Женщина замолчала, наверное ожидая услышать от меня какое-то объяснение, а у меня в голове сразу сложился пазл.

— Говорю же, не помню ничего, — вздохнула я. — Всё как в тумане. Имя своё только вспомнила.

— Батюшки, — покачала головой женщина.

За дверью вдруг послышался шум и топот. Мужской бас грозился разнести дом в щепки. Марья Никитична только успела ойкнуть, как дверь с грохотом открылась.

— Жива, как погляжу, — стуча сапогами, в комнату прошагал высокий мужчина в шубе.

Увидев бородатого незнакомца, я почувствовала, что у меня всё внутри сжалось от дикого страха. Эмоции были точно не мои, так как я впервые видела этого бугая.

— Собирайся, поехали домой! — рявкнул он и содрал с меня одеяло. — Хватит на мою голову позора!

Кажется, супруг Татьяны прибыл.

Глава 4. Муж-тиран

Глава 4. Муж-тиран

Татьяна

В первые секунды меня обуял такой ужас, что сердце едва билось в груди от вида этого бугая. Похоже, подсознание моей предшественницы выдало привычную реакцию, но я быстро справилась с чужим страхом, уняв дрожь в руках.

— Я никуда не поеду! — отчеканила я, смотря на этого мужлана. — Верните мне одеяло.

— Что?! — помещик оторопел, выпучив глаза. Не ожидал, что супруга будет сопротивляться. — Одевайся, кому велено!

— Да что же это творится-то! — вмешалась Марья, выйдя перед незванным гостем. — Супружница ваша на ногах стоять не может, а вы её одеваться заставляете. Негоже тревожить больную. Пусть окрепнет сначала. Сами давеча соборовать её собирались. Али запомнили уже?

Не ожидала, что эта хрупкая женщина вступится за меня. Трухин злобно зыркнул на неё и грозно пробасил:

— Кыш отсюда! Не лезь не в своё дело, ключница. Я имею полное право забрать супругу домой, — угрожающе замахнулся на женщину, и та отпрянула в сторону, ойкнув.

— Вы что себе позволяете? — от гнева у меня кровь закипела и силы появились повысить голос. — Не смейте поднимать руку на слабую женщину! Я не ваша собственность, чтобы приказывать мне.

— Татьяна, ты умом тронулась? — ошарашенно смотрел на меня помещик, приближаясь к кровати.

Серые глаза сверкали лютой ненавистью и злобой. Вот теперь мне действительно стало страшно. Физически я не смогу дать ему отпор. Не сомневаюсь, что именно Трухин избил свою жену до смерти в порыве гнева. Как она вообще за него замуж вышла?

— Вставай и одевайся! Иначе я сам выволоку тебя на улицу в чём мать родила! — прорычал он. — Весь посёлок гудит, что ты любовница Холодова!

— Ложь это! — подала голос Марья, но не приближалась к мужчине, опасаясь его. — Никто о Татьяне Ивановне плохо не думает. Все знают, какое несчастье с ней случилось.

— Ты ещё здесь, ключница? — обернулся помещик. — Сгинь, я сказал!

— Убирайтесь сами, — процедила я. — У меня сломаны рёбра. Поездка на санях окончательно подорвёт моё здоровье.

— Настенька плачет, переживает за тебя, а ты тут лежишь, — этот гад решил пойти другим путём — давить на материнские инстинкты супруги. — Дочь ждёт тебя.

— Если бы могла, встала бы и поехала домой, — сдержанно произнесла я. Всё же не стоит злить чудовище. — Я слишком слаба, чтобы подняться.

— Тогда я тебя сам выволоку, немощная, — ухмыльнулся помещик и поднял с пола одеяло.

— Что вы задумали? — вжалась я в постель, когда он подошёл вплотную к кровати.

Неужели правда собрался меня завернуть в одеяло и унести кулем? Нельзя этого допустить! Не пройдёт и дня, как он завершит начатое и убьёт меня. Настоящая паника накрыла лавиной, когда помещик набросил на меня одеяло.

— Нет! Нет! — завопила я от ужаса.

— И кто тут хозяйничает в моём доме? — прогремел знакомый голос. — Я вас не приглашал, Иннокентий Мокеевич!

Холодов! Как же вовремя он вернулся.

— Савва Тимофеевич, мне не нужно приглашение, чтобы забрать супругу, — нарочито добродушно произнёс помещик, отступив от меня. — Спасибо за гостеприимство, как говорится, но пора и честь знать. Негоже замужней даме ночевать в чужом доме. Татьяна поедет со мной. Я обеспечу ей уход не хуже вашего. Вмиг поправится.

Я откинула одеяло, чтобы своими глазами удостовериться, что слух не обманул меня и хозяин действительно вернулся. Холодов стоял посреди комнаты, держа руки в карманах пальто, ноги расставлены на ширине плеч. Поза его была расслабленная, но я нутром чувствовала, что мужчина на самом деле максимально собран и готов действовать по обстоятельствам.

— Мне совсем не в тягость присутствие Татьяны Ивановны в моём доме, — спокойно ответил Холодов. — Пока ваша супруга не будет твёрдо стоять на ногах, она отсюда никуда не уйдёт. Будьте добры, Иннокентий Мокеевич, покинуть мой дом. И впредь сначала присылайте записку, если изволите надумать навестить супругу, чтобы я был в курсе вашего визита.

Речь Холодова возымела действие. Помещик обернулся, взглянув на меня, и так стиснул челюсти, что на щеках заиграли желваки.

— Я буду каждый день приезжать, — процедил он, ткнув пальцем в мою сторону.

— С Настенькой? — мне очень хотелось увидеть девочку.

— Конечно с дочерью. Так ведь, Иннокентий Мокеевич? — вмешался снова Холодов.

— Непременно с ней, — фыркнул Трухин. — До завтра, Савва Тимофеевич.

Помещик, не попрощавшись со мной, откланялся хозяину и пулей выскочил из комнаты. Вздох облегчения невольно вырвался из моей груди. Холодов очень вовремя вернулся. Он ведь не должен был ещё прийти.

— Спасибо большое, — тихо произнесла я, посмотрев на Холодова. Он всё так же стоял посреди комнаты.

— Марья Никитична, оставь нас, — бросил он фразу ключнице, стоявшей у стены. Женщина кивнула и торопливо покинула спальню.

— Как же вы вовремя вернулись, Савва Тимофеевич, — перевела я дух, всё ещё пребывая под сильным впечатлением от встречи с Трухиным.

— Честно говоря, чего-то подобного я ожидал от вашего супруга. На открытие электростанции пришёл весь посёлок, кроме помещика Трухина, — спокойным тоном говорил хозяин дома. — Догадаться было несложно, куда он отправился.

— Нельзя мне возвращаться домой, — прошептала я, качая головой. — Прошу вас, помогите мне, Савва Тимофеевич.

— Значит, правда то, о чём в посёлке люди говорят? Ваш муж настоящий тиран? Каким образом вы оказались на обочине дороги недалеко от посёлка? — с нажимом расспрашивал меня Холодов.

И что ответить, если я понятия не имею, что на самом деле случилось с женой помещика?

Глава 5. Признание

Глава 5. Признание

Савва

Я редко пользуюсь своим даром, доставшимся мне от деда-колдуна, но в этот раз пришлось применить силу. Теперь придётся расплачиваться за ворожбу и обращение к языческим богам. Ничего, справлюсь, главное, что Татьяна жива.

До сих не могу поверить, что это хрупкая женщина выжила. Никогда не забуду её тело, покрытое синяками, причём там были как свежие, так и старые отметины. Значит, бедняжку систематически били. Кто мог сотворить такое с незащищённой женщиной? Подозрение сразу пало на мужа Татьяны.

Этот вопрос мучил меня несколько дней, поэтому я порасспрашивал местных о семье помещика Трухина и узнал много интересного. Люди, конечно, могут преувеличивать, но дыма без огня точно не бывает.

Про Иннокентия Мокеевича ходит много слухов, и самых разных. Одно я точно понял: он вспыльчив и плохо умеет контролировать свой гнев, особенно с теми, кто ниже по статусу и слабее. Помещик избил однажды работника на лесопилке за то, что сломался паровой двигатель, который приводил в движение пилораму, и вся работа встала. Потом в порыве ярости чуть не убил лесничего из-за пожара в тайге.

Вот только никто не упомянул о том, что Трухин поколачивал супругницу. Правда, нашёлся один смельчак, который нашептал мне, мол, хозяин лесопилки шибко ревнивый, хотя супруга никогда не давала ему повода. В посёлке народ уважает Татьяну Ивановну и говорят о ней только хорошее. Зато Трухин не гнушается заходить в местный трактир, где заправляет вдова купца Елисеева. Люди называют купчиху ушлой бабенкой и обсуждают потихоньку, что в прошлом году она родила сына от своего любовника помещика. Потому Трухин и мечется меж двух огней, вымещая злость на супруге. Вот только прямых доказательств этому я не нашёл. Интересно, что скажет сама жертва насилия.

— Татьяна Ивановна, что случилось три дня назад? — я повторил свой вопрос. Женщина натянула одеяло до подбородка, словно пыталась спрятаться от меня.

— Савва Тимофеевич, я хочу вам признаться, только обещайте, что никому не скажете, — прошептала она еле слышно.

— Всё, что вы произнесете, останется между нами, — я понизил голос, приблизившись к кровати. — Даю слово купца.

— Хорошо, но сначала хочу сказать вам, что я не сумасшедшая и нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти, — она приподнялась, опираясь на подушки. — Может, вы присядете?

— Ладно, — я кивнул и подвинул стул к кровати, усевшись на него. — Слушаю вас внимательно, — приготовился я узнать правду из первых уст.

— Меня действительно зовут Татьяна Ивановна, вот только фамилия моя не Трухина, а Давыдова, — осторожно говорила она, словно подбирала слова. — И родилась я тринадцатого декабря в одна тысяча девятьсот девяносто втором году.

— Простите, в каком? — переспросил я, подумав, что ослышался.

— В одна тысяча девятьсот девяносто втором году, — повторила женщина, а потом как затараторила: — Честно вам говорю. Я упала со скалы, а очнулась в теле этой забитой женщины. Не знаю, каким образом это произошло. Перед падением я увидела Татьяну или её призрак из прошлого. Она просила меня забрать дочь Настеньку, так как боялась, что той угрожает опасность... Я уверена, это помещик забил свою жену до смерти, но не знаю, что произошло с Татьяной и как она оказалась на обочине. Пожалуйста, помогите мне. Я боюсь Трухина.

Я дышал через раз, слушая её торопливую речь. Не может быть! Неужели боги, услышав мою молитву, решили сделать по-своему и дать шанс этой душе прожить в другом времени и чужом теле? Но в то же время выполнили мою просьбу — ведь Татьяна осталась жива и сейчас глядит на меня голубыми глазами, ожидая моего ответа. Только это другая Татьяна, из будущего. Невероятно!

— Не молчите, скажите что-нибудь, — женщина смотрела на меня, затаив дыхание. — Мне некому довериться, только вам. Вы спасли меня и прогнали Трухина. Он бы уволок меня, если бы вы вовремя не вернулись.

— Ваши слова действительно звучат как бред сумасшедшей, — выдохнул я, не отрывая взгляда от её красивого бледного лица. А ведь на нём нет ни единого синяка. Значит, обидчик не трогал эту часть тела, чтобы никто не увидел следов побоев. Беглый каторжанин или вор не стал бы так осторожничать. Выходит, и правда Трухин измывался над супругой.

— Я вам верю. С точки зрения христианской религии переселение душ невозможно, но есть древние свитки, дошедшие до нас с языческих времён, где говорится о том, что душа может продолжать жизнь в другом теле.

— Вы разве язычник? — она вскинула брови, смотря на меня не моргая.

— Скажем так, я прошёл посвящение и обрёл силу, — пришлось ответить правду. — Крещён в младенчестве и в церковь хожу, как все единоверы.

— Какую ещё силу? — выпучила она глаза.

— Колдовскую. Между прочим, вы, Татьяна, тоже имеете дар. Точнее, он был у вашей предшественницы, и, похоже, остался, — решил я сразу её предупредить. — Пока слабы, вы его не чувствуете, но я ощутил в вас силу ведуньи. Как только вам станет лучше, поймёте, о чём я говорю. Потому и поверил вам. Хорошо, что вы признались мне, больше никому об этом ни слова.

— За бесноватую примут? — закусил она губу.

— Именно. Церковь и так не жалуется таких, как мы. Если хотите жить свободно, никому не говорите, кто вы такая на самом деле.

— А что же мне делать? Выходит, по закону помещик Трухин мой муж, но я не хочу жить с этим тираном под одной крышей. К тому же он для меня совершенно чужой человек, — Татьяна сцепила пальцы, выкручивая их. — И что делать с Настей? Я обязана забрать её у отца, исполнив волю Татьяны. Надо привлечь его к суду за побои супруги и подать на развод. Вы поможете мне, Савва Тимофеевич?

— Конечно, я помогу вам, Татьяна Ивановна, — кивнул я, — но суд вряд ли встанет на вашу сторону. Подозреваю, что свидетелей вы не найдёте. Мои слова и рассказ, как я нашёл вас еле живой на обочине дороги, никак не указывают на то, что именно помещик Трухин избил свою жену. К тому же вы не знаете, что случилось между супругами, и не сможете держать правдивый ответ на суде. Трухин точно привлечёт прислугу в качестве свидетелей. Сомневаюсь, что они пойдут против хозяина. Вот почему, даже имея доказательства, вам всё равно не выиграть. Церковь будет всячески настаивать на прощении обидчика, особенно если это первое обращение в суд. Скорее всего, судья вынесет выговор Трухину и небольшой штраф в счёт казны.

— Вы серьёзно?! — Татьяна стала ещё бледнее. — Помещик чуть не убил жену, а по сути убил, и ему ничего не будет за это?

— За убийство он бы, конечно, ответил, если бы это доказали. Не забывайте, я нашёл вас на обочине дороги. Значит, Трухин пытался избавиться от улики и выставить это как разбой.

— Савва Тимофеевич, выходит, шансов нет привлечь к ответственности душегуба? Я останусь его женой? — её глаза наполнились ужасом.

— Нет. Я обещал помочь, но вам может не понравиться моё предложение, — произнёс я, сложив руки на груди.

Глава 6. План Саввы

Глава 6. План Саввы

Татьяна

Ого! Я, конечно, знала, что в девятнадцатом веке царили домостроевские нравы, но даже представить не могла, что настолько всё запущено. Холодов чётко дал мне понять, что просто так Церковь не одобрит развод, но я не собираюсь жить под одной крышей с душегубом Трухиным.

— И какое у вас предложение? Сразу скажу, заплатить вам я не смогу, если только в долг, — в первую очередь на ум пришла мысль о деньгах.

— Татьяна Ивановна, я достаточно богат и не нуждаюсь ни в чём, — уголок его рта потянулся вверх.

— Тогда почему вы решили помочь мне? Мало вам проблем? — сложно было поверить в бескорыстную помощь от малознакомого человека.

— Это будет обоюдное соглашение. Я помогу вам, а вы мне — всё очень просто. Как вам такой вариант?

— Приемлем, — кивнула я не раздумывая. — И какие будут условия сделки?

— Мне нравится ваш деловой подход, но начну издалека, чтобы стало яснее, что мне от вас требуется, Татьяна Ивановна. — Глаза у мужчины вдруг стали светлее, превратившись в два янтаря. Мне стало не по себе от этой метаморфозы. Колдовство?

— Дело в том, что я выходец из семьи единоверов, но уже с малолетства во мне проснулись способности. Дед учил меня премудростям колдовским, готовил к посвящению, чтобы отдать свою силу. Знания испокон веков передавались в нашем роду строго по мужской линии через поколение. Языческие ритуалы, заклинания — всему научил меня дед, — Холодов замолчал, задумчиво пожевав губы.

— Вы сами согласились стать преемником? — решила я на вопрос.

— Да. Только добровольно можно принять силу рода. Я был мальчишкой, и мне тогда казалось всё это занятным. Считал себя избранным, особенным, но повзрослев и окончательно получив дар, понял, насколько это тяжёлое бремя. Ведь за силу нужно платить, — мужчина слегка кашлянул, прочистив горло, и продолжил. — В общем, я не намерен передавать дар. Моя сила — моё проклятие. Оно уйдёт вместе со мной в могилу. Я так решил.

— Поэтому вы холостой? — отсутствие кольца на пальце я заметила давненько. Привычка, выработанная опытом.

— Именно. Но о моём решении семья пока не знает. Несмотря на то что они люди старой веры, всё же чтут традицию передачи родовой силы, доставшейся от предков.

— Почему же вы не скажете им? — никак не понимала я, куда клонит Холодов.

— Всё дело в фабриках и заводах. Два года назад умер мой отец, оставив наследство мне и моим сёстрам. Я стал главой семьи и предприятий. Моя мать является одним из главных акционеров товарищества. В её силах лишить меня руководящего поста, — Холодов говорил спокойно, но его лицо стало напряжённым. Судя по всему, отношения у фабриканта с матерью натянутые. — Она дала мне год сроку: когда закончится её траур, я должен жениться. Мне требуется успокоить матушку, чтобы она потеряла бдительность, пока я ищу способы, как отстранить её от дел.

— Вы предлагаете мне стать вашей фиктивной невестой? — я смотрела на мужчину, округлив глаза.

— Не просто невестой, но и любовницей, Татьяна Ивановна, — припечатал Холодов. — Вы не девица, чтобы ждать венчания, а моя мать хорошо знает меня. Она, конечно, не придёт от этого в восторг, но не станет препятствовать.

— Любовница? Вы серьёзно? — у меня открылся рот. Подобного предложения я точно не ожидала.

— Я не собираюсь заставлять вас спать со мной, если вы этого не хотите, — фыркнул он. — Главное, чтобы о наших близких отношениях говорили в свете, особенно в деловых кругах.

— Так бы сразу и сказали, — выдохнула я, и аж от сердца отлегло. — Но какая вам выгода связываться со мной? Вы можете найти себе другую любовницу, причём самую настоящую, свободную женщину без детей, — недоумевала я от его предложения. Ведь такой мужчина, как Холодов, точно не обделён вниманием со стороны прекрасного пола.

— Могу конечно, — вяло ухмыльнулся собеседник, — но мать требует, чтобы невеста была из семьи старообрядцев. А вы... то есть Татьяна как раз родом из деревни кержаков.

— Стало быть, я из семьи староверов. А среди своих вы не можете найти подходящую фиктивную невесту?

— Нет. Никто не согласится на подобные отношения, вера и воспитание не позволят. Да и до матушки правда может дойти. Обманывать невесту я тоже не смогу, разрыв помолвки будет для неё позором и оскорблением. Надеюсь, ваша вера не станет препятствием? К тому же эти отношения нужны и вам, чтобы получить развод.

— Мне моя вера всё позволяет, лишь бы не попасть в лапы чудовища Трухина и Настеньку забрать, пока не поздно, — голос мой дрогнул от эмоций. Холодов как-то сразу нахмурился. — А теперь прошу подробнее о том, как получить развод.

— Предупреждаю сразу, дело может затянуться на год, — собеседник посмотрел на меня исподлобья. — Я, конечно, подключу все свои связи, но церковники пренебрежительно относятся ко мне, так как я не особо жертвую денег на храм. Предпочитаю вкладывать капитал в людские ресурсы.

— Для меня полгода уже долго, а тут год, — вздохнула я, переживая за девочку. Пока я не видела её, но чувствую долг перед Татьяной и обязана спасти малышку, раз занимаю место её матери. — Что же делать, Савва Тимофеевич?

— Для начала вам нужно поправить здоровье. Вы гостя в моём доме, здесь и останетесь, — мужчина спокойным тоном раскладывал по полочкам свои мысли. — Когда Трухин должен будет забрать вас, попросите его приехать с дочерью. Марья Никитична уведёт девочку на кухню, чтобы напоить чаем. Вот тут мы и поговорим с помещиком. Вы заявите ему, что уходите от него, забираете дочь и подаёте заявления на развод и в суд за побои. Я вам помогу, не переживайте. Он не посмеет вас обидеть, разве только словесно.

— Думаю, справлюсь, — кивнула я, на самом деле не представляя, на что ещё способен муж Татьяны. — Что потом? Правда в суд подадим?

— Конечно. Позавчера мой кучер ездил в Луньевку и привёз оттуда врача, который осмотрел вас. Его показания станут базой нашего обвинения. Я найду свидетелей того, что Трухин плохо умеет контролировать свой гнев. Как говорил ранее, судья сделает выговор и оштрафует Трухина, но нам нужно это дело, чтобы в Консисторию подать весомые доказательства того, что вы ушли от мужа в поисках защиты и нашли её в моём лице. Измена — главная причина, по которой суд может расторгнуть брак.

— Погодите, я подам заявление на развод, на основе того, что изменяю мужу? — что-то я потеряла нить логики.

— Нет. Вы потребуете развода, потому как Трухин изменяет жене с купчихой и даже имеет внебрачного сына.

— Вот это новости, — ошарашенно выдохнула я. — Значит, у него есть вторая семья?

— Да. Я позабочусь о свидетелях. Возможно, сама купчиха Елисеева согласится подтвердить, что ребёнок от помещика Трухина. Надеюсь, ей выгоден ваш развод, — мне уже нравился ход мыслей Холодова. — Таким образом, ваш муж тоже заявит, что вы ему изменяете. Даже свидетелей найдёт, мы ему в этом поможем.

— И конечно, я искренне признаюсь, раскаюсь и поплачу даже, — улыбнулась я своей идее, но тут же подумала о Настеньке, и улыбка пропала. — Суд оставит мне ребёнка?

— Это и будет самым сложным. Готовьтесь к настоящей борьбе, Татьяна Ивановна, если Трухин откажется отдать вам дочь, — в голосе мужчины прозвенела сталь. — Как матери, вам придётся доказать свою состоятельность, чтобы воспитывать Настасью.

Вот тут я осознала, что у меня ничегошеньки нет в этом мире: ни дома, ни денег, ни работы — ничего...

Глава 7. Детали плана

Глава 7. Детали плана

Савва

Не хотелось обнадёживать Татьяну насчёт ребёнка, но она так смотрела на меня, что я невольно сам поверил в то, что у нас всё получится.

— Выходит, для всех я буду вашей содержанкой? — женщина оказалась неглупа. — В этом случае суд не отдаст мне Настеньку?

— Поэтому вам нужен постоянный доход и, скажем так, влиятельный покровитель — как я. Кем вы работали... в той жизни? — до сих пор с трудом верилось, что душа Татьяны пришла из другого времени.

— Я акушер-гинеколог, врач первой категории, — уверенность звучала в её слабом голосе.

— Выходит, у вас с Татьяной Трухиной даже род деятельности одинаковый, — я удивился. Значит, мой ритуал притянул из другого времени чужую душу настолько схожую, что не только имя и отчество совпали. — Люди в поселке говорят, барыня Трухина помогала женщинам в родах и лечила всех, кто приходил к ней за помощью.

— Как интересно. Вы что-то говорили про её дар ведуньи. Можно подробнее о нём? Хочу знать, чего ожидать от него, — женщина разволновалась, вцепившись в одеяло.

— Ведуньи живут в гармонии с природой, лечат с помощью трав и заговоров. Часто становятся повитухами. Они чувствуют чужую боль и видят причину недуга. Некоторые могут гадать. Не бойтесь этого дара, он никому не причинит вреда, особенно вам, — ответил я, умолчав про себя. Признаться в том, что по моей вине женщина оказалась в чужом теле и времени, не хотелось. Вряд ли ей это придётся по нраву.

— Спасибо, успокоили немного, — выдохнула она.

— У меня к вам есть предложение. Так получилось, что врача в посёлке нет, а перестройка завода уже началась, — задумался я, кажется, найдя выход из ситуации. — Весной будет запущено производство, к этому времени поставят больницу, а пока планируется открыть лечебный пункт для жителей.

— Я очень хочу работать по специальности, — женщина смотрела на меня с мольбой в глазах. — У меня знания будущего. Вы даже представить себе не можете, насколько далеко продвинулась медицина в двадцать первом веке.

— Охотно верю вам, Татьяна Ивановна, только стоит с осторожностью использовать эти знания.

— Да, я понимаю, — кивнула она.

— Статус поселкового врача намного лучше, чем содержанки, — я улыбнулся через силу. — Нужны будут документы, дающие вам право заниматься врачебной практикой. Пока вы работаете на меня, можно обойтись без них, но суд имеет право запросить.

— Где же я возьму эти документы? — Татьяна сразу сникла.

— Сначала нужно узнать, проходила ли ваша предшественница какое-нибудь профессиональное обучение и есть ли документы, подтверждающие это. Трухин наверняка знает. Завтра же навещу его, тем более у меня к нему есть дело.

— Какое же?

— Пока не буду говорить, и так утомил вас разговорами. Отдыхайте, Татьяна Ивановна, — я поднялся со стула. — Простите, мне нужно ехать на завод.

— Спасибо вам большое за всё, Савва Тимофеевич, — расслабленно вздохнула женщина.

— Если боль усилится, позовите Марию Никитичну. Она даст вам обезболивающее, которое прописал врач. Я зайду вечером, — склонив голову, я вышел из спальни.

Отдав распоряжение ключнице, чтобы она присматривала за гостьей, я надел меховое пальто и отправился на завод.

Перестройка шла полным ходом. Сегодня удачно запустили динамо-машины на только что построенной электростанции возле завода. В скором времени ток потечёт по проводам в посёлок. Надеюсь, к Рождеству все важные объекты посёлка будут обеспечены электричеством. Дело сразу пойдёт быстрее. К маю наладим производство ацетона и других химических реактивов, необходимых для текстильных фабрик.

Честно говоря, через неделю я собирался обратно в Москву, оставив главным управляющего, но появление Татьяны кардинально изменило мои планы. Нужно успеть до Рождества начать бракоразводный процесс супругов. Я чувствую ответственность за то, что женщина из будущего оказалась здесь. Вернуть её обратно точно не получится — раз душа оказалась свободной от тела, значит, оно погибло.

Домой я вернулся поздно. Пришлось остаться с рабочими и в конце рабочего дня выдать им праздничный паёк в честь запуска электростанции. Мужики обрадовались подаркам, каждый пожелал пожать мне руку и сказать спасибо, а потом и вовсе не хотели отпускать меня, пока я не выпил с ними чарку горькой.

К Татьяне я не стал заглядывать, так как ключница, встретив меня, первым делом сообщила, что гостья спит после приёма лекарств. За последние дни я здорово устал, толком не спавши, а ещё приближалось полнолуние, и мне нужны силы — близилась расплата за колдовство.

Свою комнату я отдал Татьяне, и мне пришлось перейти в гостевую спальню. Утром проснулся позднее обычно, дав себе наконец-то выспаться. Заглянул к гостье после завтрака. Татьяна уже сидела в кровати. Марья Никитична как раз помогала ей причесаться. Я только спросил о самочувствии гостьи и, пожелав хорошего дня, поехал на завод. Кучеру дал задание отвезти Трухину записку, где я предупредил помещика о визите ближе к вечеру.

В кабинете управляющего я и Фома Егорыч Курейкин, управляющий, рассматривали на столе карту посёлка и прилегающих лесных угодий. В печке потрескивали дрова, за окном завывал ветер, грозясь переменить погоду.

— Фома Егорыч, вы здесь живёте с лета. Как думаете, где лучше построить больницу? — посмотрел я на русоволосого мужчину старше меня на десять лет. Курейкина я забрал из Орехово-Зуева как самого опытного управляющего, которому безоговорочно доверял.

— На Шабурской, туточки новые дома для рабочих будут стоять, — он ткнул в карту.

— Хорошо. Тогда библиотеку и школу заодно поставьте, чтобы следующей осенью рабочие и дети грамоте обучались, — произнёс я, смотря на план посёлка.

— Всё сделано будет. Только денег надобно, Савва Тимофеевич, — вздохнул управляющий. — На электростанцию сколько угрохали капитала да настройку завода. Губернатор тот ещё жмот, обещал копейки выделить на больницу. Про школу я вообще молчу.

— Не переживай, денег я дам, Фома Егорыч, — похлопал я его по плечу. — Главное, чтобы завод работал исправно и прибыл приносил. А что в производстве важнее всего?

— Люди, ваше степенство, — без раздумий ответил управляющий, так как не первый год знает меня.

— Правильно, на людях всё держится. В них и надобно вкладывать в первую очередь.

— Срубы пора ставить, чтобы к маю успели осесть, — он посмотрел на меня исподлобья. — План застройки тоже готов.

— Знаю, поэтому сейчас еду к Трухину, чтобы договориться с ним, — я невольно сжал кулаки, понимая, что придётся смотреть в глаза этому мерзавцу и разговаривать с ним как с человеком.

— Ох и жмот этот Трухин, — покачал головой Фома Егорыч. — Такие цены гнёт на сосну.

— Пока у нас нет собственной лесопилки, придётся договариваться с помещиком, — я цокнул языком.

— Будьте осторожны с ним, Савва Тимофеевич, — с тревогой посмотрел на меня управляющий. — Помещик шибко ревнивый, а его супружница в вашем доме больная лежит. Я недавно к Татьяне Ивановне обращался за помощью, никак кашель не проходил опосля простуды. Так Трухин мне потом выговорил, что я на его жену засматриваюсь. А ведь в мыслях не было ничего подобного. Да она красивая, но женщина порядочная и воспитанная, к тому же Любушка моя дома ждёт с детьми.

— Спасибо за предупреждение, Фома Егорыч, — я подошёл к вешалке и снял пальто.

Егорка быстро привёз меня к добротному дому на холме. Только я подняться на крыльцо, как дверь передо мной открылась.

— Добрый день, — меня встретила женщина в возрасте, совсем не похожая на прислугу. На её плечах лежала чёрная шаль с бахромой, говорящая о давнем трауре. Седые волосы убраны в тугой пучок, сухие губы поджаты в тонкую линию. Она прищурилась, рассматривая меня. — Проходите, господин Холодов.

— Здравствуйте, — я перешагнул порог, оказавшись в сенях. Женщина провела меня в дом.

— Людмила Юрьевна Трухина, — представилась она, когда мы оказались в просторном коридоре. — Мой сын ждёт вас.

— Савва Тимофеевич. Рад знакомству, сударыня, — склонил я голову.

Выходит, матушка помещика решила лично встретить меня. Интересно, почему Трухин послал мать?

— Как сегодня чувствует себя моя невестка? — строгим голосом спросила она, шагая впереди, и даже не обернулась.

— Татьяна Ивановна ещё очень слаба, — мне сразу не понравился тон женщины.

— Меньше по ночам шастать надо, — пренебрежительно фыркнула она, — и ничего бы не случилось.

Хотел расспросить её, что она имеет в виду, но Людмила Юрьевна остановилась возле двери и толкнула её без стука.

— Иннокентий, к тебе господин Холодов, — голос женщины мгновенно изменился на ласковый. Она осталась возле порога, пропустив меня в кабинет.

— Какая встреча! — Трухин поднялся из-за стола, слегка качнувшись. Его губы растянулись в злорадной улыбке. — Сам Савва Тимофеевич соизволили посетить мой дом.

Я заметил на столе поднос с хрустальным графином, почти пустым, стопку и нетронутые бутерброды с икрой.

— Что же вы стоите? Прошу вас, присаживайтесь, — глаза у помещика лихорадочно блеснули. Да ведь он пьян!

Глава 8. Беседа

Глава 8. Беседа

Савва

— Ну-с, с чем пожаловали, Савва Тимофеевич? — Трухин развалился в кресле, злорадно ухмыляясь. — Заметьте, я вас принял, а не выгнал, как вы меня давеча.

Я скинул пальто на спинку стула и опустился на сиденье напротив хозяина дома. Выйдет ли разговор с помещиком, когда он в таком состоянии?

— У меня были на то веские причины, — сдержанно ответил я, а у самого кулаки чесались начистить морду этому мерзавцу. — Поймите, вашей супруге действительно опасно сейчас подниматься с постели.

— Охотно верю. Как она, кстати, чувствует себя? — пробубнил в бороду помещик. В его взгляде читалось неприкрытое недовольство.

— Татьяне Ивановне надобно время на выздоровление. Расскажите, что случилось с ней в тот вечер? Как она оказалась так далеко от посёлка на обочине?

— Понятия не имею, — процедил помещик, скривив губы. — Прибежала Марфа, жена кузнеца, вся в слезах. Мол, малец у неё захворал шибко. Вот Татьяна пошла к ним домой, а после не вернулась. Только когда получил от вас записку, узнал, что случилось с ней. А что супруга моя говорит?

— Она совершенно не помнит, что произошло с ней и каким образом очутилась на дороге, где я её нашёл.

— Таки совсем не помнит? — поджал губы мерзавец, смотря на меня с прищуром. Дать бы ему по наглой роже, но нельзя — впереди суд.

— Совсем, — покачал я головой. — Такое случается, память не хочет восстанавливать страшные картины произошедшего.

— Ясно, — нахмурил брови Трухин, делая задумчивый вид. Врёт и не краснеет, мерзавец. Надо будет узнать, где живёт этот кузнец и порасспрашивать его.

— Но пришёл я к вам по другому делу, Иннокентий Мокеевич, — начал я разговор о лесопилке. — Требуется лес готовый, много. Хочу срубы поставить для рабочих. К весне приедут ведущие специалисты на завод, а им где-то жить надобно.

— Леса в округе полно, бери не хочу, — ухмылялся гад. — Вы же купили завод вместе с дачей.

— Мне нужен готовый материал сейчас. Говорят, ваша лесопилка снабжает всю округу.

— Верно говорят. У меня на лесопилке современное оборудование, и за порядком я строго слежу, — откинулся на спинку кресла. — Ежели надобно пиломатериалы, могу вам поставить, Савва Тимофеевич. Только скажите.

— Значит, договоримся? — выдавил я ответный оскал через силу. Неужели помещик сговорчивый под шафе? Лишь бы потом не забыл.

— Договоримся. Я разделяю личную жизнь и дела, особенно когда они сулят мне выгоду, — под его пышными усами показалась самодовольная улыбка. — Скажу управляющему, чтобы скидку хорошую сделал. Только при одном условии.

— Каком? — вот и подводный камень.

— Дайте слово, что не станете строить свою лесопилку. Мне тут конкуренты не надобны, — процедил он.

— Мне она ни к чему. Я перестраиваю завод в химический, и лес нужен только для производства реактивов, — охотно согласился я на условие. Даже если лесопилку поставлю, то только исключительно для нужд завода и рабочих.

— Вот и прекрасно! — сразу оживился помещик. — Давайте, дорогой сосед, отметим сделку, — он поднялся, потянувшись к графину, и ловко опустошил его, разлив содержимое по стопкам.

— Извините, сударь, но мне ещё на завод ехать, — я отодвинул стопку назад. — К тому же у меня к вам есть ещё одно дело, касаемое вашей супруги.

— Татьяна? — помещик скривился, опустошив чарку, будто лимон съел, зажевал бутербродом с икрой.

— Слышал, будто люди ходят к вашей жене за лечением. У Татьяны Ивановны имеется медицинское образование? — перешёл я сразу к делу.

— Что ж вы у самой Татьяны не спросили? — хмыкнул гад, вытерев бороду салфеткой.

— Решил сначала у вас узнать, дабы не тревожить больную. Она и так жалуется на провалы в памяти.

— Татьяна сестра милосердия, обучалась почти два года в Александровской больнице и прошла аттестацию. Там я её и встретил, когда хворь на меня напала. А вам зачем сие знать? — снова подозрительно прищурился он.

— Хочу открыть в посёлке больницу, но пока она строится, решил врачебный пункт организовать. Думаю предложить Татьяне Ивановне официальную должность, да документы об образовании нужны.

— Вы с ней лучше не связывайтесь, — прошептал помещик, наклонившись ко мне. — Ведьма она, как есть говорю. Меня приворожила, чтоб женился на ней. Сам не свой был, когда у алтаря клятвы давал.

— Правда? — в наигранном удивлении приподнял я брови. — Ежели ваша супруга ведьма, как она в церковь вошла? И креста не боится? Кстати, она православную веру приняла? Слышал я, будто Татьяна Ивановна из кержаков.

— Предала она веру свою ради науки. Хотела врачом стать. Крестилась в Перми, иначе бы её в больницу не взяли, — задумался Трухин. — Да и нас бы не обвенчали.

— Вот видите. Какая же она ведьма?

— Говорю вам, бесы ей помогают лечить людей. Меня с того света вытащила, шептала возле койки заговоры, — помещик понизил голос. — Вот и приворожила, дабы женился на ней.

— Может, наоборот, Татьяне Ивановне сами ангелы помогают? Вы ведь сейчас передо мной здоровый и живой сидите. Да и в церковь она исправно ходит. Ведь так?

— Так, — брови мужчины ещё сильнее сошлись на переносице. — Не старайтесь, Савва Тимофеевич. Я своей супруге всё равно не позволю работать. И без того к ней сюда весь посёлок ходит. Во флигеле она больных принимает да к бабам на роды ездит. Доездила, чуть живая осталась. Пусть дома сидит да дочерью занимается, нечего ей шлындать по посёлку.

— Жаль. Придётся искать кого-то приезжего, время терять, — сделал я вид, что огорчился, и встал. — Благодарю, что приняли меня. К сожалению, пора.

— Провожу вас, Савва Тимофеевич, — помещик с трудом встал из-за стола, качнувшись.

— Не нужно. Я найду выход, — и подхватил пальто, быстро одевшись. — Когда вы намерены посетить супругу?

— Послезавтра в полдень. Удобно это время?

— Да. Буду ждать вас, дочь непременно возьмите с собой. Она, наверное, переживает о матери, — застёгивал я пуговицы.

— Изнылась вся, — пренебрежительно фыркнул он. — Так уж и быть, возьму, чтоб успокоилась.

— Хорошо. До встречи, — склонил я голову и вышел из кабинета, стуча сапогами по деревянному полу.

Оказавшись в санях, я приказал кучеру гнать на завод. Как же мерзко я себя чувствовал рядом с Трухиным. Смотреть на его наглую рожу и сдерживать желание начистить ему рыло

было нелегко. Он издевался над супругой, ещё и в ведьмы записал бедняжку. Жаль, что Татьяна приняла синодальную веру, так был бы шанс аннулировать брак. Как же она согласилась стать его женой? Слабо верится в то, что она по любви согласилась на брак.

**Дача - так назывались владения заводовладельцев лесными угодьями (хотя формально они были казёнными, но подлежали купле-продаже и передавались в наследство).*

Дорогие читатели, забыла вас предупредить в прошлый раз, что эту и следующую неделю новые главы могут выходить нерегулярно. С 1 декабря началась реабилитация у младшей дочери, и времени свободного стало меньше. Все силы кинула на "Неверную жену ректора", чтобы успеть завершить её к 12 декабря. После завершения я буду отдавать силы на "Медвежий капкан". Спасибо, что вы со мной!

Глава 9. Сон о прошлом

Глава 9. Сон о прошлом

Татьяна

Я шла по пустому больничному коридору, когда меня кто-то окликнул.

— Татьяна, отнеси-ка ужин барину из двадцать второй палаты.

От этой фразы меня затрясло. Опять идти к заносчивому пациенту, который лежит в отдельной палате за деньги. Я обернулась и послушно кивнула старшей сестре, которая держала поднос в руках. Перечить ей я не смела.

— Да поживее, пока еда не остыла, — поторопила она меня. — Не любит Иннокентий Мокеевич ждать, а то опять жаловаться на нас пойдёт к врачу.

— Иду, — я перехватила поднос и поспешила на второй этаж.

Претит барину за общим столом сидеть, считает, что не пристало ему с простым человеком одни харчи есть. Крепостное право давно отменили, а он всё строит из себя невесть кого. И боюсь я его до жути. Смотрит на меня так, что тошно становится. Постоянно скабрёзные шуточки в мой адрес отпускает, намекает на непристойности. Скорее бы его выписали. Уже жалею, что вылечила грубияна своими заговорами да травами. Прости меня, господи, грешницу, за мысли дурные!

Подойдя к палате, я перевела дух и громко произнесла:

— Иннокентий Мокеевич, ужин!

— Войдите! — раздалось повелительным тоном.

Толкнув дверь ногой, я вошла в палату. Свеча на тумбочке вздрогнула от сквозняка.

— Татьяна Ивановна, — мужчина тут же поднялся с кровати, — а я вас уже заждался. Всё думаю, вроде смена у вас вечерняя сегодня.

Он смерил меня сальным взглядом, от которого мурашки по телу побежали, противные да холодные.

— Добрый вечер, — склонила я ниже голову и подошла к чайному столику в углу комнаты. Поставила поднос, намереваясь поскорее уйти. — Приятного вам аппетита, Иннокентий Мокеевич.

— Спасибо, красавица. Аппетит у меня и правда очень разыгрался, особенно на ночь глядя, — раздался хриплый голос прямо за спиной.

Вздрогнув, я развернулась и замерла на месте, так как мужчина перегородил мне путь.

— Завтра утром возвращаюсь домой. Хотел признательность высказать тебе за заботу, Татьяна, — сияла его наглая ухмылка сквозь усы. — Знаю, благодаря твоим заговорам выздоровел, ведьмочка моя.

У меня сердце в пятки ушло. Что?! Неужели он слышал, как я шептала особые речи? Ведь в бреду был от горячки.

— Не бойсь, никому не скажу, — медленно приближался он, словно хищник, готовый схватить свою добычу, — ежели ласковой будешь.

— Не надо, прошу вас, — меня затрясло только от одного его взгляда. — Пустите меня.

— Ну что ты дрожишь вся? Али я такой страшный? Бабы вроде никогда от меня нос не воротили.

Барин сделал ещё шаг, и я кинулась в сторону, но он перехватил меня и прижал к стене, закрыв мой рот широкой ладонью. В нос ударил тошнотворный запах табака и спирта. Я замычала, пытаясь вырваться, но тщетно. Не совладать мне с этим здоровяком.

— Тихо, Танюша, тихо, а то я вмиг поведаю главному врачу, как ты обманула всех, — шептал он, смотря мне в глаза. — Всё знаю про тебя, ведьмочка моя. Ни в каком храме ты не

крестилась, нет в метрической книге записи об этом. Выходит, подсунула фальшивку — это преступление. Знаешь?

Меня словно окатили водой из проруби. Как он узнал?

— Понимаю, ты хотела стать врачом, вот и пошла на маленький обман. Ведь так? — продолжал Трухин шипеть мне на ухо, а его рука всю шарил по моей груди, сжимая её под платьем.

Я судорожно закивала, смотря с ужасом на барина. Если об этом узнают в больнице, меня выгонят с позором и недавно полученный аттестат заберут. И не видать мне тогда учёбы в Москве!

— Не бойся, никому не скажу, что ты не смогла веру своих предков предать, — улыбался этот гад, — если, конечно, будешь ласкова со мной. Ведь будешь? М-м? Кивни, если согласна.

Голова кружилась от нехватки воздуха, а Трухин ещё сильнее вдавил меня в стену.

— Ну? — его язык скользнул по моей щеке. — Будь ласкова со мной, Танюша, и никто ничего не узнает.

Я с трудом кивнула, подавив в себе отвращение, и опустила веки. Главное — не смотреть на него.

— Вот и умница, — он медленно убрал ладонь от лица и жадно впился губами в мой рот...

...Я сидела на самом краю больничной койки, пытаясь натянуть на себя сорочку дрожащими руками. Внизу живота нестерпимо саднило и жгло. Я прикрыла глаза, желая поскорее убраться отсюда. Не дай бог, кто-нибудь войдёт и увидит меня в таком непотребном виде.

— Танюша, что же ты не сказала, что девица ещё? — раздался сонный голос с кровати. — Я был бы осторожнее и нежнее к тебе. Прости, от твоей красоты уж очень я раздухарился, немного несдержан был.

— Мне нужно идти, — с трудом ответила я.

— Душа моя парит в небесах, — вздохнул барин расслабленно. — Люба ты мне, Татьяна. А хочешь, замуж тебя возьму? Обвенчаемся как положено, коли я невинность твою забрал. Мне это безмерно льстит. Ты у меня первая девственница. Ну? Чего молчишь?

— Езжайте, барин, завтра домой, — поднялась я с постели, подобрав платье с пола. Видеть его не могу...

...Я сидела на стуле в сестринской и ревела в три ручья в платок. Только что пришла от врача. Он подтвердил мои подозрения — я беременна.

— Ну что же ты так убиваешься, Таня? — всплеснула руками Елена Борисовна, моя наставница, которая всему меня научила. Благодаря ей я прошла аттестацию в больнице. — Что сделано, то сделано. Раньше надо было думать, когда в койку к барину ложилась.

От её слов стало ещё горше, и я пуще зарыдала. Не могу ей рассказать, каким образом я очутилась в одной постели с Трухиным.

— Погоди-ка, — женщина сложила руки на груди, подойдя ближе. — А ну правду говори. Он силой взял тебя?

Я только кивнула, не смея поднять глаз.

— Вот негодяй! Таня, что же ты молчала и не говорила ничего? Али стыдно было? — продолжала она мучить меня расспросами.

— Что мне делать, Елена Борисовна? — всхлипывала я, не в силах уже рыдать. — Домой мне нельзя с таким позором. Родители не примут меня.

— В больнице ты долго не сможешь работать, скрывая своё положение, — вздохнула женщина. — Вот что, дорогая моя. Я найду почтовый адрес этого Трухина. Напишешь ему письмо. Ежели хоть капля совести в нём есть, пусть женится на тебе и отвечает за свой грех.

Она подошла к столу, взяла чистый лист бумаги из стопки и подвинула чернильницу.

— Садись. Пиши прямо сейчас под мою диктовку. Я сама схожу на почтамт и отправлю письмо, — приказным тоном заявила она. — Хватит реветь, подумай лучше о ребёнке.

С трудом поднявшись на ватных ногах, я пересела за стол. Взяв перо, посмотрела на белый лист. Другого выхода у меня нет...

Я проснулась от долгого тяжёлого сновидения. Во мне бушевала настоящая буря эмоций: отчаяние Татьяны и её боль, моя ненависть к Трухину и жалость к этой несчастной женщине. Уверена, что это был не просто сон, — душа Татьяны показала мне кусочек из своей жизни. Теперь мне стало ясно, каким образом она вышла замуж за помещика. Видимо, он получил её письмо и решил жениться, не всю ещё совесть пропил, но за годы брака превратился в настоящего монстра.

Нужно срочно рассказать Холодову о своём сне. Интересно, что он скажет? Подтвердит, что мой сон был о прошлом, или это просто игры мозга?

Дорогие читатели, прошу прощения что так долго не выкладывала продолжение. У меня есть уважительная причина. Я решила в качестве подарка к празднику написать для вас новогоднюю историю. Душа с Музом очень просят праздника и хорошего настроения. Если вам тоже этого хочется, читайте мою новинку! 16+

Решила отметить Новый год в другом мире, откуда родом моя мама. Думала, отдохну от своего магического мира. Но тут встретила его — вредного соседского мальчишку, точнее уже взрослого состоявшегося мужчину в разводе. Он попросил меня сыграть Снегурочку перед его семилетним сыном, и всё пошло не по плану. Я случайно утянула соседа вместе с ребёнком в свой мир. Теперь придётся приютить их у себя дома, пока они смогут вернуться обратно. Главное, выжить в этом хаосе и не влюбиться, ведь попаданец из чужого мира совсем мне не пара.

В книге вас ждут:

##отважный попаданец

♥# магиня-менталист

♥#немного юмора

♥# праздничное настроение

♥# новогоднее чудо

Преходите по ссылке, читайте и добавляйте книгу к себе в библиотеку!

<https://litnet.com/shrt/MK00>

Глава 10. Настенька

Глава 10. Настенька

Татьяна

Вчера Холодов посетил дом Трухиных и рассказал мне о результате визита. Новость о том, что Татьяна аттестованная сестра милосердия, обрадовала меня. Значит, документ есть. Если помещик не отдаст мне бумагу добровольно, я смогу восстановить её в той больнице, где моя предшественница обучалась сестринскому делу.

Утром Марья Никитична привела меня в порядок, расчесала мои волосы и заплела простую косу. Накануне кучер Трухина привёз котомку с вещами Татьяны. Ключница помогла мне переодеться в муслиновую сорочку с кружевами и красивый стёганный халат из парчи с вышивкой. В таком виде хоть не стыдно показываться перед Холодовым. Всё же он мужчина, и весьма симпатичный.

Савва Тимофеевич пришёл навестить меня почти в полдень. Он только вернулся с завода. Его щёки были ещё румяными от мороза.

— Добрый день, Татьяна Ивановна. Как чувствуете себя сегодня? — начал он с дружеского тона и лёгкой улыбки.

— Спасибо. Немного лучше, я даже смогла встать сегодня и обслужить себя, — деликатно поделилась я.

— Замечательно. Вы быстро идёте на поправку. Видимо, дар помогает вам восстановиться.

— Хорошо, если так. Савва Тимофеевич, я могу видеть сновидения о прошлом? — решила я сначала узнать о своих способностях.

— Вам что-то приснилось? — оживился он, подвинул стул ближе к кровати и сел на него. Я рассказала мужчине о сне, поделившись своими умозаключениями.

— Как думаете, это был необычный сон?

— Так и есть. Вы действительно заглянули в прошлое Татьяны, — со всей серьёзностью ответил он. — Вы увидели кое-что важное: Татьяна не крестилась в храме. Правда, Трухин сказал, что супруга приняла синодальную веру до того, как пошла учиться на сестру милосердия. Но появился шанс аннулировать брак с Трухиным, если мы найдём подтверждение тому, что его жена так и не смогла предать веру предков.

— Правда? Это действительно возможно? — у меня даже ладони вспотели.

— Вполне, но нужно взвесить все за и против. Церковь не прощает подобной лжи. — А он прав. Ложь Татьяны может обернуться против меня. — Кстати, близится полдень. Трухин обещал навестить вас сегодня и привезти дочь. Надеюсь, он сдержит слово и вы увидите с Настей.

В его глазах читалось продолжение фразы: «Может, поймёте, что чужой ребёнок вам не нужен, и не придётся судиться за девочку». Или мне это показалось?

— Жду с нетерпением, — я уже начала волноваться.

— Самое главное, ведите себя покладисто с Трухиным. Он привык видеть жену кроткой. Рано пока показывать свои намерения, Татьяна Ивановна, — строго предупредил Холодов. — Завтра я поеду в Пермь, чтобы подать документы в суд от вашего имени. Вечером мой помощник привезёт все бумаги, вам нужно будет только подписать их.

— Поняла вас, Савва Тимофеевич, — кивнула я. — Буду стараться вести себя скромно и тихо пока что.

— Я могу позвать Трухина выйти поговорить по делам, а вы в это время спокойно пообщайтесь с девочкой.

— Хорошая идея. Спасибо, — стало немного легче от его предложения. Не хочу смотреть на отвратительную рожу помещика после того, что я увидела о нём во сне.

— Да, кстати, — мужчина вытащил из-за пазухи маленькую тряпичную куклу в платье. — Купил вот в лавке для Насти. Подарите ей.

— Спасибо большое, — удивилась я, разглядывая вышитое лицо игрушки. — Думаю, ей понравится.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась ключница.

— Барин, к вам Иннокентий Мокеевич прибыл, — сообщила она.

— Один? — тут же встрепенулась я.

— Никак нет. Дочурку привёз с вами повидаться, — улыбнулась женщина. — До чего же она у вас милая.

— Так води их, — поторопил хозяин ключницу.

Женщина исчезла за дверью, и скоро послышались шаги. Я пока убрала куклу под одеяло.

— Всё хорошо, Татьяна Ивановна. Я вас не оставлю с мужем наедине, — заверил меня Холодов.

— Мама! — раздался звонкий голос, как только дверь распахнулась. В комнату вбежала темноволосая девочка в розовом шерстяном платице.

Увидев меня на кровати, она вдруг замерла, широко открыв голубые глаза.

— Анастасия, я сказал, води себя скромно, — за спиной девочки выросла высокая фигура помещика. — Мать больна, а ты кричишь на весь дом.

Я взглянула на суровое лицо Трухина, с трудом подавив в себе отвращение. Боже! Как Татьяна смотрела на него каждый день? И ведь супружеский долг наверняка исполняла исправно по первому требованию этого мерзавца. Или она думала, стерпится — слюбится?

— Здравствуй, Настенька, — голос мой дрогнул, и я протянула руки к девочке. — Иди же ко мне.

— Добрый день, Татьяна, — буркнул себе под нос Трухин.

Я совершенно не обращала внимания на «мужа» и не ответила на приветствие. Меня волновала девочка, которая не спеша приближалась ко мне. Она поджала губы в тонкую линию, явно страшась сделать лишнее движение. Похоже, жена и дочь у помещика дома по струнке ходят.

Когда до кровати оставалось пару шагов, Настя всё же не стерпела и бросилась ко мне на постель. Я едва обняла её, как ощутила боль в рёбрах. Всё же резких движений мне не следовало делать. Закусив губу, я прижала к себе девочку, почувствовав запах свежей сдобы и топлёного молока.

— Осторожнее, юная барышня, — Холодов сразу сообразил, что объятия мне дались нелегко. — Ваше матушке нужен покой.

— Mamочка, прости, — прошептала девочка и отпустила меня, с трудом сдерживая слёзы. — Я соскучилась по тебе.

— Знаю, моё солнышко. Садись рядышком на кровать, — похлопала я по одеялу.

У меня сердце разрывалось от странного чувства отчаяния, видимо во мне снова проснулся подсознательный страх Татьяны.

Девочка кивнула, вытерев со щеки катившуюся слезу, и взобралась ко мне на постель. Я обхватила её маленькие холодные пальчики.

— Мама, когда ты вернёшься? — жалобно посмотрела она на меня.

— Скоро, моя хорошая, — улыбнулась я через силу, — как только мне станет лучше.

— Не переживай, Настасья, вернётся твоя мать через пару дней, — пробасил недовольно Трухин, наблюдая за нами, но не смея приблизиться, так как Холодов встал у него на пути, словно цербер.

— Иннокентий Мокеевич, может, побеседуем в моём кабинете? — Савва, как и обещал, дал мне шанс побыть наедине с девочкой. — Марья Никитична чаю скоро подаст.

— Лучше чего-нибудь покрепче, — прокряхтел помещик.

— Как скажете. Милости прошу, — Холодов играл радушного хозяина и указал на выход.

Трухин долго думать не стал и наконец вышел. В комнате стало тихо. Настя молчала, внимательно разглядывая моё лицо. Как же она похожа на меня, точнее на мать.

— Папа сказал, ты ничего не помнишь, — прошептала девочка, смотря на меня испуганными глазами.

— Тебя я точно не забыла, моя хорошая, — улыбнулась я. — Папа тебя не обижал?

— Только сильно ругал, когда я плакала, — помотала она головой, а её губы задрожали. — Мама, я хочу к тебе.

— Настенька, подожди немного, — я легонько сжала её ладошки, — мы скоро будем вместе. Ты, главное, лишний раз не попадайся отцу на глаза. Сама знаешь, каким он бывает строгим и несдержанным.

— Да, мамочка, — кивнула она. — Я слышала, как ты кричала, — тихо прошептала она, оглядываясь на дверь. — Папа снова тебя обижал?

У меня чуть сердце не остановилось от её слов. Бедный ребёнок, она не раз слышала, как отец измывался над матерью. Хорошо хоть не в присутствии дочери Трухин избивал жену.

— Настенька, не думай об этом, — вздохнула я. — Всё будет хорошо, обещаю.

Рассказывать девочке о своих планах я пока побоялась.

— Ты всё время так говоришь, — опустила она голову. — Обещала, что мы скоро уедем отсюда далеко-далеко.

Значит, Татьяна планировала бежать от мужа-тирана, но не успела.

— Настенька, я обязательно сдержу своё слово, — ласково произнесла я. — Просто сделать это будет нелегко. Ты мне веришь?

— Угу, — и слезинка скатилась по её щеке. Сердце кровью обливалось, когда я смотрела в грустные детские глаза. Поскорее бы забрать её.

— Иди ко мне, — я потянулась к её плечам, и девочка прильнула ко мне.

— Мамочка, я так испугалась, — шептала она. — Думала, больше не увижу тебя. Бабушка Людмила проклинала тебя, ведьмой называла, а папа ей верит.

Так, похоже, ещё и свекровь масла в огонь подливает.

— Не слушай бабушку, Настенька, — обнимала я девочку. — Всё у нас будет хорошо, вот увидишь.

Вспомнив про куклу, я вытащила её из-под одеяла и протянула девочке:

— Держи, это тебе.

— Ой! Какая красивая! — ахнула малышка и прижала к себе игрушку. — Спасибо, мамочка.

— Савве Тимофеевичу скажешь спасибо. Это он для тебя купил, — улыбнулась я, увидев наконец-то свет радости в глазах ребёнка.

Теперь я тверда в своём решении забрать девочку от тирана. У меня нет своих детей, но я готова стать если не матерью, то хотя бы хорошим другом и опекуном Настеньки.

Глава 11. Странности

Глава 11. Странности

Татьяна

Больше часа я провела в компании Настеньки. Она охотно рассказала, что делала последние дни, когда мамы не было рядом. Я поняла, что с ней в основном занималась Татьяна: рассказывала сказки, учила буквам, цифрам, азам рукоделия. Свекровь все это время только заставляла девочку учить этикет, молитвы и читала ей Библию.

Я старалась вести себя непринуждённо с Настей. Она действительно соскучилась по маме и не заметила никаких перемен во мне. Надеюсь, девочка ничего не заподозрит и дальше. Она ведь совсем ещё ребёнок, ей пока не объяснить, что настоящая мама ушла на тот свет.

Трухин всё это время сидел в кабинете Холодова. Не знаю, о чём шла у них беседа, но помещик вернулся за дочкой довольный, с противной улыбкой на губах, от которой мне стало не по себе.

Когда пришло время расставаться, Настенька с трудом ушла от меня. В её глазах светилось столько боли и надежды, что меня начало колотить, когда Трухин утащил её буквально за руку. Холодов проводил их, оставив меня одну.

Надеюсь, скоро я заберу девочку, но сначала мне нужно восстановить здоровье и подать в суд на помещика.

— Как прошло общение с Настей? — спросил меня Холодов, когда вернулся в комнату.

— Хорошо. Чудесный ребёнок, но она боится отца, — и я поделилась с мужчиной своими наблюдениями.

— Значит, вы настроены решительно, — Холодов понял, что отступать я не собираюсь и выполняю свой долг перед Татьяной.

— Да, Савва Тимофеевич.

— Что ж, завтра утром я отправляюсь в Пермь. Меня не будет несколько дней. Велю Егорке, чтобы не пускал Трухина, если тот вдруг вздумает явиться в моё отсутствие, — спокойно произнёс он. — Надеюсь, помещик понял меня и не сделает подобную глупость.

После его слов мне стало спокойнее. Остаться в чужом доме без хозяина было страшно. Кто знает, что взбредет в голову Трухину.

Вечером Холодов привёз бумаги для суда и даже письмо Татьяны с её подписью. Где он его достал, я не стала спрашивать, видимо, не зря уводил помещика в свой кабинет.

Я потренировалась на чистом листе писать пером. Подпись у Татьяны оказалась несложной, и я легко скопировала её почерк. Таким образом подписала все необходимые документы для суда и для того, чтобы сделать дубликат аттестата сестры милосердия. Холодов решил не дожидаться, когда Трухин отдаст документ, а сразу подать заявление в Александровскую больницу. Он обещал вернуться с хорошими вестями. Спать я легла с надеждой, что скоро процесс будет запущен.

А ночью меня разбудил страшный рёв дикого зверя. Я распахнула веки, с ужасом вслушиваясь в тишину. Сердце от страха трепыхалось, разгоняя адреналин по венам. Может, мне показалось. Стоило только немного успокоиться, как с улицы снова раздался жуткий рёв, словно дикий медведь рычал. У меня даже волосы на руках встали дыбом. Конечно, посёлок находится в глубине тайги, в лесу наверняка бродят медведи, а также волки и рыси.

Стало страшно — вдруг в посёлок забрался какой-то дикий зверь. Я лежала в темноте, прислушиваясь к каждому шороху. Сердце учащённо билось в груди. Но больше я не слышала звериного рыка. Спустя какое-то время всё же успокоилась и вновь заснула.

Утром я проснулась от привычного скрежета — прислуга выгребала золу из печи, чтобы потом затопить её. Дом за ночь ощутимо остыл из-за мороза, и не хотелось вылезать из постели.

Когда огонь всю уже горел в топке и в комнате стало теплее, вошла ключница, держа в руках кувшин с водой для умывания.

— Доброго утра, барыня, — приветливо улыбалась она. — Как спалось?

— И вам доброго утра, Марья Никитична, — присела я в кровати, опираясь на руки. — Ночью слышала рык, будто медведь под окнами бродил. Так испугалась, что потом полночи уснуть не могла.

— Я ничего не слыхивала, спала крепко всю ночь. Поди, приснилось вам, Татьяна Ивановна, — беззаботно ответила женщина. — Места у нас, конечно, дикие, да только декабрь скоро. Откуда тут медведю взяться? Давно в берлогах спят косолапы.

— Может, проснулся какой-нибудь да к посёлку подошёл, — пожалала я плечами.

— Охотники предупредили бы, что шатун в лесу бродит, — продолжала ключница убеждать меня в том, что я приняла сон за действительность. — Не волнуйтесь, Татьяна Ивановна, ежели и правда объявился медведь, охотники его вмиг найдут. Да и чего страшиться? Дом у нас крепкий, надёжный.

— Хорошо, успокоили, — хотя бояться мне следует Трухина, а не медведя. Даже если зверь и забрёл в посёлок, наверняка уже ушёл в тайгу.

— Чуть не забыла, — ключница полезла в карман, — Платье, в котором вас Савва Тимофеевич нашёл, я в печке сожгла, но нашла в кармане вот это, — она вынула руку, протянув мне глиняную фигурку.

От удивления у меня рот открылся. Я смотрела на ту самую птичку, которую купила у старушки перед тем, как отправилась в Каменный город. Взяв свистульку, я повертела её в руках. Сомнений быть не может, это та самая игрушка.

— Спасибо, Марья Никитична, что не выкинули, — обрадовалась я вещице, положив её под подушку.

Как она оказалась вместе со мной в прошлом, непонятно. А может, мокрый соловей был изначально у Татьяны и каким-то чудом дошёл до моего времени и попал ко мне в руки? Очень странно. Чувствую, неспроста эта вещица оказалась снова у меня в руках.

— Савва Тимофеевич уехал в Пермь? — вспомнила я про Холодова.

— Да, Егорка его час назад до станции повёз. В Луньевке барин сядет на поезд, быстро до города доедет, — добродушно говорила ключница о хозяине. — На ваш счёт распоряжение дал, чтобы вы ни в чём не нуждались, отдыхали и поправлялись скорее.

— Спасибо большое, Марья Никитична, за заботу, — улыбнулась я. Как же хорошо, что я попала именно в дом купца Холодова.

Я подумала о Савве Тимофеевиче, и меня посетило смутное ощущение, будто я уже слышала его имя и фамилию в своём времени. Неужели это тот самый меценат из девятнадцатого века, о богатстве которого ходили легенды? Говорят, он проигрывал миллионы в карты и в то же время помогал театрам, строил школы и больницы. Может ли это быть он? Даже не верится.

Прошло три дня, которые тянулись бесконечно долго. Лежать в кровати я устала, к тому же мне с каждым днём становилось лучше. Я начала понемногу ходить по дому, доставая разговорами Марью Никитичну и кухарку Алёну, молодую розовощёкую женщину, которая приходила каждый день. Живёт она в своём доме с мужем Егором, он же кучер и дворник. Пока отсутствовал хозяин, Егор оставался ночевать в доме в качестве охранника. Получается, только ключница постоянно живёт здесь, поддерживая порядок. Остальных слуг нанимают по необходимости, например зимой, чтобы двор от снега расчищать, или когда хозяин приезжает, что бывает нечасто.

В гостиной я нашла стеллаж с книгами и выбрала для себя чтение приключенческого романа, надеясь тем самым скоротать хоть как-то время.

На четвёртый день я проснулась с надеждой, что Холодов непременно вернётся сегодня вечером. Марья Никитична помогла мне надеть домашнее платье в клетку с белым воротни-

ком, заплела косу. После завтрака я вернулась на кровать и принялась читать книгу. К обеду меня начало клонить в сон, и я уснула. А вскоре меня разбудил тревожный голос ключницы.

— Татьяна Ивановна, проснитесь, — трясла она меня за плечо. — Старатель вас зовёт, бабу свою приволок на санях. Говорит, помирает она.

— Что? — заморгала я спросонья, ничего не понимая. — Какой ещё старатель? Какая баба?

— Павел Стрельцов, пришлый, золото всё лето тут искал. Связался тут с одной вдовой, она его на зиму приютила, — тараторила женщина. — Вот он Матрёну и привёз, умоляет вас о помощи. Боится, что не довезёт до Луньевки бедняжку.

— А что с ней? — протёрла я глаза, сев на кровати.

— Павел говорит, брюхатая она. Кажись, вздумала грех на душу взять и от ребёнка избавиться. Кабы сама не преставилась перед Всевышним, — со страхом произнесла она, перекрестившись. — Я бы не стала вас тревожить, да больно деток жалко. У Матрёны их трое, останутся ведь сиротами.

— Впустите их в дом. Я попробую помочь, если получится, — и встала с кровати, даже не представляя, что смогу сделать без привычных инструментов и оборудования. Но отказать в помощи не имею права — я давала клятву врача, когда получала диплом.

Глава 12. Помощь

Глава 12. Помощь

Татьяна

Широкоплечий мужчина в тулупе внёс в комнату женщину, завернутую в лоскутное одеяло.

— Сюда! Только осторожно! — скомандовала я, указав на кровать. Хорошо, что в доме есть свободная гостевая комната. Правда, койка не застелена, только покрывало лежало поверх матраса.

Старатель бережно уложил свою сожительницу и развернул одеяло. Молодая женщина с русой косой и лицом блеем снега тихо застонала и закрыла глаза, явно пребывая в затуманенном состоянии сознания. Дышала она прерывисто и неглубоко. Льняная сорочка на ней была испачкана в алой крови, в области груди остались следы от рвотных масс.

— Что она пила? — строго спросила я мужчину, нащупав пульс на шее женщины — слабый, учащённый. Мышцы вялые — похоже на отравление.

— Настойку, — Павел пожал плечами, нервно стискивая в руках малахай.

— Какую? Состав?

— Ей-богу, не знаю, барыня. Я вернулся домой с шабашки, а она уже в бане лежала на полу, чуть ли не вусмерть напарилась. Приволок её в дом. Затем кровь пошла, вот Матрёна и призналась, что выпила настойку, которую ей купчиха Елисеева продала. Что наделала, ока-янная, — прошептал мужик, сдерживая эмоции.

— Павел, знаешь, где находится дом помещика Трухина? — мне пришлось в голову только одно решение.

— Как не знать, барыня. На вашей лесопилке ведь шабашу, — кивнул он.

— Значит так, едешь сейчас в дом и просишь Иннокентия Мокеевича отдать мой лекар-ский саквояж. И не смей возвращаться без него, если хочешь, чтобы Матрёна выжила, — отче-канила я. — Ясно тебе?

— Понял, барыня, — кивнул мужик, и его как ветром сдуло.

Раз Татьяна лечила людей и ездила на вызовы, значит, у неё должен быть чемоданчик или саквояж, в котором лежат хоть какие-то инструменты и препараты. Надеюсь, они мне пригодятся.

— Господи, спаси грешницу Матрёну, — перекрестилась ключница, охая.

— Марья Никитична, принесите горячую воду, мыло, чистое полотенце и простыню, — приказала я женщине. Мне же охать некогда, нужно спасать горе-мать.

— Бегу, Татьяна Ивановна, — засуетилась ключница.

Вскоро я осмотрела крестьянку. Все симптомы говорили об отравлении. Беремен-ность уже была прервана. Самое главное — остановить кровопотерю и промыть желудок горе-мыке.

— Марья Никитична, несите кувшин воды и таз, — отдала я следующее распоряжение.

Нам с трудом удалось заставить Матрёну выпить всю воду. Она едва сообщала, что происходит, но мы с ключницей справились. Когда пятый стакан был выпит, у женщины нача-лась рвота.

Закончив с промыванием, я попросила Марью Никитичну принести в кадке снега, благо на улице сейчас зима. Хорошо утрамбовав его, я завернула снег в чистую наволочку, обернула полотенцем, сделав охлаждающий компресс, и положила его на живот Матрёны.

В этот момент вернулся старатель. Он ворвался в комнату прямо в валенках.

— Вот, барыня, еле выпросил я у вашей свекрови, — поставил он на стул кожаный сак-вояж.

— Слава богу, — кинулась я к чемоданчику. — А самого хозяина не было дома?

— Никак нет. Людмила Юрьевна вышла ко мне. Не хотела сначала отдавать вашу вещь, — снял он шапку с головы и вытер румяное лицо. — Пока слово с меня не взяла, чтобы я потом рассказал ей, как вы лечить будете кралою мою. Вот вам крест, Татьяна Ивановна, ничего ей не скажу. Только спасите Матрёну, — перекрестился мужик.

— Хорошо. Иди, Павел, домой. До утра тебе здесь делать нечего. Присмотри лучше за детьми, одни ведь дома одни остались, — указала я ему на выход. Старатель тяжело вздохнул и молча покинул комнату.

Я поставила на стол саквояж и открыла его. Содержимое оказалось весьма разнообразным, а я думала, найду только трубку-стетоскоп, марганец, йод и нашатырь. Но, видимо, Татьяна старалась возить максимум препаратов на вызов. Наверняка дома у неё имелся целый шкаф запасов.

Все пузырьки имели этикетки с названиями на латыни, даже дата изготовления на них стояла. Карболовая кислота, спирт для дезинфекции. Каолин — белая глина в качестве адсорбента — как раз пригодится. Седативные настойки пустырника и валерианы, также имелись более серьёзные обезболивающие, которые в нашем времени хранились под строгим учётом и контролем. Далее я обнаружила баночки с сушёными растительными средствами: пастушья сумка, крапива, тысячелистник, кора ивы.

Рассматривая склянки, я вспоминала свойства трав. Одно время меня интересовала фитотерапия, но я не использовала травы в лечении своих пациентов. Изучала скорее для расширения кругозора.

«Пастушья сумка обладает гемостатическим действием, крапива богата железом», — всплыла в голове фраза. Точно, нужно сделать из них отвар. Хоть какое-то подспорье будет, надеюсь, кровотечение совсем остановится.

На улице уже стемнело, когда я приготовила травяной сбор. Ключница успела зажечь в комнате свечи, пока я сутилась на кухне возле печки-плиты. Поставив кружку на стол, я подошла к Матрёне и поняла, что она без сознания и едва дышит. Проверила сердце, приложив трубку-стетоскоп к груди женщины. Оно едва билось.

— Барыня, как она? — ключница со страхом смотрела на меня.

— Молитесь, Марья Никитична. Теперь её жизнь в руках Всевышнего, — выдохнула я, закусив губу от отчаяния. — Егор на месте?

— Уехал на станцию. Два часа уж как нет его, — всхлипнула ключница. — От барина телеграмма пришла, домой он едет. Вот Егорка и отправился его встречать.

— Хорошо, — выдохнула я, радуясь, что Холодов вот-вот вернётся домой. — Идите, Марья Никитична, готовьтесь хозяина встречать, а я посижу тут с Матрёной.

— Ежели чего, зовите, барыня, — выдохнула женщина и покинула спальню.

Стало так тихо, что было слышно стук моего сердца. Ноги едва держали меня, и я села на стул. Смотрела на бледную женщину и не могла поверить в то, что она вот-вот умрёт, а я ничего не могу больше сделать.

У каждого врача есть своё кладбище. На моём уже похоронена одна роженица. На восьмом месяце беременности она попала в страшную аварию на трассе. Её чуть живую привезли в наш перинатальный центр, благо он оказался ближе, чем другие больницы. Ребёнка мы спасли, а вот её нет. Никогда не забуду надрывный крик того малыша, будто он плакал от горя. Конечно, я не виновата в том, что случилось, но так хотелось, чтобы пострадавшая выжила. И сейчас я не виновата в том, что Матрёна решила избавиться от беременности таким варварским способом и сама оказалась при смерти.

— Татьяна, — тихий голос вырвал меня из раздумий. Я даже сначала не поняла, кто меня позвал. Обернувшись, я увидела румяного с мороза Холодова.

— Савва Тимофеевич, — выдохнула я, поднявшись со стула, — вы приехали.

— Марья Никитична успела вкратце поведать мне о вашей пациентке, — кивнул он в сторону кровати. — Всё так плохо?

Я закивала в ответ, сдерживая эмоции, которые рвались наружу. Как же я рада видеть Холодова.

— Кровотечение уменьшилось, но яда слишком много в организме, сердце не выдерживает, — тихо проговорила. — Заварила травы... Матрёна потеряла сознание, не успела выпить.

Мужчина посмотрел на стол, где стояла кружка с остывшим отваром.

— Используйте свой дар, Татьяна, — он снова обратился ко мне без отчества. — Думаю, у вас получится.

— Как? Я понятия не имею, что нужно делать. До сих пор не чувствую в себе никаких сверхспособностей, — растерялась я.

— Ваша душа ещё не до конца слилась с ведовской силой, — его глаза вдруг снова приобрели янтарный оттенок. — Но ощутить сейчас силу вам помогут яркие эмоции.

Он вдруг обнял меня за талию, притянув к себе, и нагло впился в мои губы. Я ахнуть не успела, как почувствовала во рту вкус терпкого мёда с примесью хвои. Меня бросило в жар от сильных рук, бережно обнимающих мой стан. Несмотря на фамилию, Холодов был горяч, словно печка. Мне захотелось ответить на его требовательный поцелуй, и мои губы раскрылись. Сердце бешено забилось в груди, разгоняя адреналин по венам. Я обняла мужчину за плечи, прижимаясь к нему. В этот момент от солнечного сплетения по телу прошла тёплая волна, и я ощутила силу — мощную, светлую.

Глава 13. Первое исцеление

Глава 13. Первое исцеление

Савва

Стоило только коснуться нежных губ, как я едва не потерял контроль. Хотелось целовать и целовать Татьяну до упоения, пока не насыщусь ею. Я решился на подобный способ, чтобы женщина почувствовала свой дар, но не мог предположить, что сам окажусь в ловушке собственных ощущений. Только когда ведовская сила вырвалась наружу, окатив меня приятной благодатью, я пришёл в себя и вспомнил, для чего нужен был поцелуй.

— Получилось, — выдохнул я, отпустив Татьяну. — Теперь вы чувствуете силу?

— Да, — судорожно кивнула она, опешив от неожиданного поцелуя, но быстро пришла в себя. — Что мне делать?

— Поделиться с ней силой, — кивнул я на кровать, где лежала полуживая крестьянка. — Возьмите её руку и направьте силу, наполняя жизнью.

— Хорошо, — глаза Татьяны загорелись надеждой. Она вернулась на стул и сжала вялую ладонь женщины.

— Сосредоточьтесь на своих ощущениях, — продолжал подсказывать я. — Возьмите дар под контроль, вы хозяйка силы.

Она уверенно кивнула, прикрыв глаза. Тишина окутала нас. Я боялся пошевелиться, чтобы не помешать Татьяне, ведь она впервые пользуется дарованной силой, а делать это непросто.

Женскую руку окутал едва видимый свет, словно дымка, и исцеляющая сила проникла в тело крестьянки. Наблюдая со стороны, я убедился в том, что Татьяна обладает поистине редким и сильным даром, а главное светлым.

— Не переусердствуйте, Татьяна Ивановна, — предупредил я женщину, видя, как она щедро и самозабвенно делится силой. На её лбу проступила испарина. — Себя поберегите, вы ещё сами до конца не окрепли.

Я не выдержал и коснулся руки ведуньи, мягко отстранив её от крестьянки. Свет окутал мою ладонь, и я снова ощутил благодать, исходящую от Татьяны.

— Достаточно, жизнь пациентки уже в безопасности, — тихо проговорил я, надеясь, что она поняла мои опасения.

— Сейчас проверю её состояние, — неуверенно ответила женщина, поднявшись со стула, и подошла к столу, где стоял саквояж. Я только сейчас заметил его. Интересно, откуда он взялся?

Татьяна достала слуховую трубку, вернулась к кровати и приложила к груди крестьянки медицинский инструмент, прислушиваясь к биению сердца.

— Неужели у меня получилось? — ахнула она, закусив губу. — Ритм стал чётче, дыхание глубокое и ровное.

Она выпрямилась и посмотрела на меня, ища подтверждение своим словам.

— Вы справились, — улыбнулся я, заметив радость в голубых глазах, — и спасли её, Татьяна Ивановна.

— С трудом верится, — облегчённо вздохнула она, достав платочек из кармана, и вытерла лоб.

— Устали? — видно, что первое исцеление далось ей нелегко. Она кивнула. — Вам надобно подкрепиться. Идёмте в столовую, Марья Никитична наверняка уже накрыла на стол. Да и я с дороги устал, голоден, как медведь. К тому же не терпится поделиться с вами хорошими вестями. Заодно расскажете мне, откуда у вас саквояж с медицинским инструментарием.

— Благодарю, Савва Тимофеевич. Я тоже ещё не ужинала. Очень жду рассказа о результате вашей поездки в Пермь, — она шагнула к дверям, но вдруг остановилась напротив меня, взглянув с улыбкой. — Обычно говорят, голодный, как волк, а не медведь.

Татьяна вышла из комнаты. Я поспешил за ней. Кто меня за язык дёрнул упомянуть косолапого? Сказал не подумавши.

Стол действительно уже был накрыт. Марья Никитична суетилась, разнося последние блюда. Я отодвинул стул для гостьи, проявив манеры радушного хозяина. Когда мы остались вдвоём в столовой, я решился на разговор.

— Татьяна Ивановна, оба дела запущены, — начал я с главных вестей. — Я нанял хорошего поверенного, который будет представлять ваши интересы в суде и следить за процессом.

— Замечательно. Спасибо вам большое, Савва Тимофеевич, — искренне произнесла она, смотря мне в глаза.

— А ещё мне удалось восстановить аттестат. Теперь вы можете официально работать и лечить людей, — продолжил я делиться результатами поездки.

— За это вам двойная благодарность, — облегчённо выдохнула она. — Просто камень с души упал.

— Кстати, я видел старшую сестру, Елену Борисовну, которая обучала вас, — я намеренно говорил так, словно речь шла именно о ней, так как в любой момент могла вернуться ключница. — Я смог поговорить с вашей наставницей. Она прекрасно помнит вас, переживает за вашу судьбу и передала вам письмо, так как вы давно ей не писали. Конверт лежит у меня в портфеле.

— Спасибо. Теперь у меня не осталось сомнений, что мой сон был о прошлом, — задумалась Татьяна. — Надеюсь, письмо Елены Борисовны прольёт свет на некоторые факты.

— Если вы имеете в виду крещение, это вряд ли, — пожал я плечами. — Слишком опасно.

— Вы правы, — кивнула она и продолжила есть жаркое.

— Татьяна Ивановна, саквояж с инструментарием ваш? — вспомнил я, о чём хотел ещё спросить. И гостья поведала, каким образом саквояж оказался в доме.

— Подозреваю, ваш муж завтра явится сюда без приглашения, когда проспится. — Я понял, почему хозяина не оказалось дома, когда старатель прибыл за саквояжем.

— Думаете, он у любовницы? — прищурилась гостья.

— Возможно. Раз до сих пор сюда не явился, значит, домой ещё не возвращался и не в курсе того, что вы прислали человека за саквояжем, — выводы напрашивались сами собой. — Ему вряд ли это понравится, поэтому нужно опередить Трухина. Утром отправите ему записку о том, что очень скучаете по дочери и попросите его приехать с Настенькой.

— Значит, завтра я объявлю мужу о том, что подала на развод? — Татьяна прекрасно поняла мой план. — И заберу Настеньку?

— Всё верно. Тянуть время нельзя, терпение у Трухина может лопнуть, и тогда он снова попытается вас забрать в тот момент, когда меня не будет дома. Рисковать не стоит.

— Завтра, — прошептала женщина, сразу занервничав.

— Не переживайте, Татьяна Ивановна. Я весь день буду дома, рядом с вами.

— Благодарю вас, Савва Тимофеевич. Вы уже столько сделали для меня, что я перед вами в неоплатном долгу, — тяжело вздохнула она, неохотно ковыряя вилкой еду. Кажется, наш разговор лишил её аппетита.

— Не беспокойтесь на этот счёт, сударыня. Придёт время, и я потребую выплаты долга, как было оговорено ранее, — напомнил я о нашей сделке.

В памяти всплыл наш недавний поцелуй, будоражащий во мне не только мужские слабости, но и колдовскую силу. Я не видел Татьяну четыре дня и заметил в ней перемены. Она стала ещё краше, идя на поправку. Молодая красивая женщина с удивительным даром.

Мне уже нелегко находиться рядом с ней, чувствуя древнюю силу, манящую, как чистый прохладный родник, к которому хочется припасть и напиться сполна. Но Татьяна пока не готова принять меня как мужчину, а мою колдовскую ипостась и подавно. Ничего, я терпелив и умею ждать. Ещё ни одна женщина не отказала мне.

Глава 14. Насыщенное утро

Глава 14. Насыщенное утро

Татьяна

После ужина Холодов отдал мне письмо от Елены Борисовны. Я прочла его в своей комнате, но ничего нового не узнала из послания. Женщина просто интересовалась, как дела у Татьяны, немного рассказала о работающих в больнице общих знакомых, которых я, естественно, не знала, и просила непременно ей ответить. Она искренне переживала за бывшую ученицу. Похоже, Татьяна не особо откровенчила в письмах и наставница не знала о том, что творится на самом деле в семье помещика Трухина.

Перед сном я ещё раз проверила состояние Матрёны, убедившись в том, что угроза миновала. А утром первым делом отправила с кучером записку для «мужа». Холодов, как и обещал, был дома и помог мне составить послание, подсказывая правописание, удивившись тому, что в моём времени в алфавите меньше букв. Мне пришлось выучить сразу несколько простых правил.

Перед завтраком я зашла к своей пациентке, она только проснулась. Бледная женщина, взглянув на меня, сразу всё поняла.

— Барыня, век благодарна вам буду, — едва шевелила она сухими губами. — Не оставили моих деток сиротами.

Я подвинула стул к кровати, сев на него. Глаза женщины заблестели от влаги. Молодая, симпатичная, тридцати лет точно нет, а ведь чуть на тот свет не отправилась.

— Бога благодарю, Матрёна, что душу твою грешную не забрал, — вздохнула я. — Кто тебе дал настойку? Купчиха Елисеева?

— Она самая, барыня. Продала мне пузырёк и велела выпить всё, как в бане напарюсь, — шмыгнула она носом. — Кабы знала, что так будет, в жисть не стала бы эту гадость пить.

— Разве она аптекарь или провизор, чтобы подобные снадобья продавать? — строго спросила я, уже зная ответ.

— Нет, кажись. Она трактир держит, что от почившего мужа ей достался, — поджала губы женщина. — Говорят, бабка ей настойки делает всякие, вот я и пошла в трактир за снадобьем.

— Почему ко мне не пришла? — ткнула я пальцем в небо. Может, и приходила крестьянка к Татьяне.

— Знаю я вас, стали бы уговаривать меня рожать, — опустила она голову. — А куда мне четвертого нахлебника?

В этот момент открылась дверь и раздался возмущённый мужской бас:

— Как это нахлебника, Матрёна? Всё решила, меня не спросивши! — в комнату вошёл старатель, крепко сжимая малахай в руке. Я поднялась, отойдя в сторону.

— А тебе зачем знать? Собрался весной в Сибирь ехать, вот и езжай, — заплакала она, отвернувшись. — На кой тебе баба с тремя детьми?

— Вот дурёха! Я же хотел взять тебя и деток в Сибирь, — он в два счёта оказался возле кровати и опустился на колени. — Прости меня, Матрёнушка. Люба ты мне так, что и деток готов принять как своих. Поехали в Сибирь вместе? Друг мой в артель Томскую устроился, говорит, золото там есть. Поначалу, конечно, придётся помыкаться по углам, но к следующей осени свой дом справим. Не хочу тебя тут оставлять, нужна ты мне, Матрёнушка. Всю ночь молился, а себя проклинал, что не уберёг тебя и дитятко.

Он замолчал, глядя на зазнобу такими влюблёнными глазами, что даже я поверила ему. Матрёна оторвала голову от подушки и, всхлипывая, удивлённо посмотрела на него.

— В качестве кого в Матрёна поедет в Сибирь? — решила я вмешаться в их разговор.
— Твоей сожительницы или любовницы, Павел?

— Что вы такое говорите, сударыня? — подскочил мужик на ноги, смотря на меня круглыми глазами. — В церкви обвенчаемся, как и положено.

— С этого и надо было начинать, — покачала я головой, улыбнувшись.

— Матрёна, пойдёшь за меня? В аккурат после Рождества обвенчаемся. Я с батюшкой договарюсь.

Пациентка вопросительно посмотрела на меня глазами, полными страха, и я поняла, что тревожит её.

— Матрёна, если надумаешь ребёнка родить, придётся год подождать с зачатием, чтобы организм полностью восстановился, — кивнула я, улыбнувшись. — Потом наедине тебе расскажу, как уберечься пока от беременности.

— Павлуша, прости меня, — она кинулась сожителю на шею, прижавшись к его плечу.

— Только аккуратнее, Павел, не утомляй невесту. До завтра она ещё будет под моим наблюдением, — строго предупредила я и вышла из комнаты, оставив влюблённых наедине.

Чудные они. Одна думала, что никому не нужна с тремя детьми, а другой, что женщина в курсе его чувств и намерений.

Я вошла в столовую. В печке с изразцами потрескивали дрова. На улице уже было светло, и Холодов читал газету за накрытым к завтраку столом, не решаясь есть без меня.

— Как ваша пациентка, Татьяна Ивановна? — Холодов поднялся, заметив меня. Он отложил газету на буфет.

— Ей лучше. Сейчас Павел у неё, но ему придётся в ближайшие дни отвезти зазнобу в больницу на осмотр к врачу, — подошла я к хозяину. — Без необходимых инструментов и оборудования сама я не могу сделать полноценный осмотр и тем более делать какие-либо процедуры.

— Значит, приобретём что нужно, — расслабленно улыбнулся он, — чтобы не было нужды гонять людей в Луньевку и в Пермь.

— И ещё меня волнует то, что купчиха Елисеева продаёт настойки сомнительного происхождения. Матрёна купила у неё снадобье с ядом. Нельзя допустить, чтобы кто-то ещё пострадал от её недобросовестных рук.

— Хм-м-м... Купчиха Елисеева, говорите, — задумался мужчина, потирая подбородок. — Любовница Трухина промышляет не только незаконным оборотом спиртного в трактире, но ещё и ядовитыми веществами.

— Нашёл же Трухин с кем связаться, себе под стать, — покачала я головой.

— Зато появился шанс прижать Елисееву, чтобы она выступила в суде с признанием в том, что любовница Трухина и родила от него сына, — ухмыльнулся Холодов. — У неё просто не останется выбора: тюрьма или сотрудничество.

— Но вы же не дадите ей продолжать торговать незаконными товарами?

— Конечно нет, Татьяна Ивановна, — слегка удивился мужчина, приподняв брови. — Но сначала нужно собрать доказательства, чтобы предъявить их купчихе. Мой человек уже над этим работает.

— Хорошо, — сразу успокоилась я, убедившись в том, что у Холодова всё под контролем.

— Давайте уже завтракать, — мягко улыбнулся он, указав на накрытый стол.

Во время неспешной трапезы мы обсудили план разговора с Трухиным. Савва Тимофеевич был уверен, что мой «муж» явится ещё до обеда. И когда мы почти допили чай, со стороны входа неожиданно послышались голоса и топот.

— Татьяна! — взревел знакомый бас. — Хватит гостить!

— А вот и ваш муж пожаловал, — напрягся Холодов. Его глаза моментально потемнели, а на лице появилась непроницаемая маска собранности и уверенности.

— Где моя супруга? — продолжал орать Трухин на весь дом.

От его голоса у меня сердце зачастило в груди так сильно, что ладони моментально стали влажными.

— Не бойтесь, Татьяна. Помните, о чём мы с вами только что говорили, — тихо проговорил мужчина, посмотрев мне в глаза. По его сжимающимся кулакам я поняла, что он не отступится и в любом случае защитит меня.

— Вот вы где. Здравия желаю, Савва Тимофеевич!

Двери в столовую распахнулись, являя грозную фигуру помещика в шубе. Его красные глаза налились ненавистью. Пахнуло удушливым перегаром, видимо Трухин всю ночь куролесил в трактире у любовницы.

— Татьяна, я за тобой приехал, — прорычал этот зверь, сверля меня злющим взглядом.

— Савва Тимофеевич, покорно благодарю за заботу о моей ненаглядной супруге.

— Где Настенька? — выпалила я на одном дыхании. Первым делом меня интересовало, привёз ли помещик дочь.

— Ждёт тебя дома. Нечего ей мотаться туда-сюда, — в голосе Трухина звучала издёвка.

Сердце ухнуло вниз. Всё пропало! Этот гад добровольно не отдаст мне дочь, если я сейчас сообщу ему, что подала на развод. Как же я заберу девочку?

Глава 15. Разговор не по душам

Глава 15. Разговор не по душам

Савва

Помещик всё же не взял с собой дочь. Но ничего, у меня есть запасной план, о котором я не стал говорить Татьяне, чтобы она не выдала себя ненароком.

Гостья побледнела, услышав ответ Трухина, и посмотрела на меня, ища взглядом поддержку. В этот момент вошла ключница.

— Барин, подать ещё чаю? — задала она вопрос, который должна была.

— Нет, Марья Никитична. Иннокентий Мокеевич не задержится, — ответил я фразой, означающей, что Егору нужно действовать, а нам немного потянуть время.

— Поняла, ваше степенство, — кивнула она и тут же покинула столовую.

Гнетущая тишина повисла в воздухе.

— Даже ничем не угостите, Савва Тимофеевич? — Трухин вальяжно сбросил шубу на пуф у стены, уверенно прошагал к столу и сел напротив супруги.

— Охотно угощу вас по-соседки, — ухмыльнулся я, заметив, как недоумённо смотрит на меня Татьяна. Конечно, об этой части запасного плана мы не говорили.

Я подошёл к буфету, достал графин и пару стопок. Хорошо Марья Никитична не успела убрать нарезанный сыр и колбасу. Поставив на стол угощение для гостя, я разлил содержимое графина по стопкам.

— Вот это совсем другое дело, — потёр ладони помещик, желая скорее опохмелиться. Я заметил, как подрагивали его пальцы. Кажется, купчиха спаивает любовника.

— Будьте здоровы, — он поднял стопку, чокнувшись со мной, и залпом опрокинул в себя горькую, закусив кусочком колбасы. Я сделал вид, что пригубил, и отставил стопку в сторону.

— Мой управляющий хвалит ваш лес. Говорит, хорошие избы будут, — нашёл я тему для нейтрального разговора, сказав истинную правду.

— А то, самый лучший в округе, — гость, нисколько не стесняясь, налил себе вторую порцию «лекарства». — Хороша беленькая. Сразу видно, из Москвы привезённая. За милых дам.

Помещик подмигнул Татьяне и опустошил стопку одним залпом. Закусив сыром, довольно выдохнул.

— Если надобно ещё леса, только скажите, Савва Тимофеевич, — расплылся он в довольной улыбке. Видно, полегчало ему, расслабился сразу.

— Иннокентий Мокеевич, зря вы дочь не привезли, — спокойно произнёс я, уже действуя по плану.

— Пушай дома сидит, — махнул рукой Трухин и посмотрел на супругу. — Хватит гостить, душа моя. Иди вещи собирай, да поживее.

— И не подумая, — твёрдо заявила Татьяна, глядя в упор на помещика. — Я с вами никуда не поеду.

— Как это не поедешь?! — брови “мужа” поползли на лоб. — Тебе явно лучше, румяная да похорошевшая.

— Я подала на вас в суд за то, что вы чуть не убили меня в порыве ревности, — Татьяна даже не дрогнула под гневным взглядом Трухина.

— Что за бред ты несёшь? Какой ещё суд? Белены объелась, что ль? — глаза помещика стали ещё больше, а по шее пошли красные пятна. — Да я тебя пальцем не тронул. Не надо шастать ночью где попало.

— Эти сказки вы будете рассказывать судье, а я не намерена больше терпеть скотское отношение к себе, — продолжала она, чеканя каждое слово. — Хватит. Я требую развода и буду бороться за то, чтобы дочь осталась со мной.

— Татьяна, какая муха тебя укусила? — процедил сквозь зубы помещик, сжав кулаки, и покосился на меня. — Савва Тимофеевич, растолкуйте, что происходит?

— По-моему, всё ясно: Татьяна Ивановна не желает быть вашей супругой. Скоро вас письменно известят о том, когда начнутся первые слушания, — говорил я спокойно и уверенно, готовый дать отпор в любой момент. — Врач, которого я вызвал к полуживой Татьяне, зафиксировал побои, как свежие, так и давнишние. К тому же кузнец подтвердил, что лично отвёз барыню после посещения больного ребёнка и видел, как она перешагнула порог дома.

— Всё продумали, как я погляжу. Спелись, голубчики. Так и знал, что между вами что-то есть, — пробасил помещик, медленно поднимаясь из-за стола. — Не ожидал от вас, Савва Тимофеевич, подобного предательства. Соблазнили мою жену, да? Прикидывались добреньким, а сами решили меня семьи лишить!

— Какая семья? О чём вы? — не выдержала Татьяна, резко встав и чуть не уронив стул. Я тоже подскочил, оказавшись рядом. — У вас есть любовница, которая родила вам сына. Вы у неё сегодня ночевали. Ведь так?

— Раньше тебя это не волновало. Неужели ревнуешь, душа моя? — прищурился Трухин и шагнул к жене.

— Ни капли. Просто не желаю больше терпеть этого, — стиснула зубы Татьяна, отступая. — И дочку я заберу, чего бы мне этого ни стоило.

— Даже не мечтай, паршивка, — прошипел помещик, покачав головой. — Настя останется со мной. Негоже ребёнку жить с падшей матерью. Суд не отдаст тебе дочь.

Трухин едва держал себя в руках. Я заметил, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулак. Если бы не моё присутствие, он бы уже начал учить жену послушанию с помощью силы.

— Не будьте таким самоуверенным, Иннокентий Мокеевич, — я видел, что помещик на грани и вот-вот потеряет контроль. — У меня есть деньги и связи. Вы проиграете суд.

— Я тоже не лыком шит, — он скривил гримасу. — Лучше не лезьте в нашу семью, господин Холодов. Возвращайтесь в Москву. Так уж и быть, я прощу супруге интрижку с вами, сам не святой. Бывает.

— Не создавайте лишних проблем себе и своей любовнице, иначе она вмиг окажется за решеткой за незаконную торговлю спиртным и ядовитыми настойками. Останется сын без матери, — вмешалась Татьяна, раздухарившись от эмоций.

— Да как ты смеешь мне угрожать! — взревел помещик, кинувшись с кулаками на супругу. Я тут же заслонил женщину, дав отпор негодяю, и наконец-то врезал ему от души. Как он посмел, гад, поднять руку на беззащитную женщину?!

— Стойте! — взвизгнула Татьяна. — Прекратите!

Колдовская сила всколыхнулась во мне, наполняя мышцы звериной мощью. Трухин оказался крепким и яростно махал кулаками. Мы вцепились в схватке. Соперник дышал зловонным перегаром, пыхтя мне в лицо. Пара стульев с грохотом разлетелись в стороны. Я поднырнул и ударил Трухина в печень. Он рухнул на пол, согнувшись пополам.

— Вы за это ответите! — поднимался гад с колен. — За всё ответите, ваше степенство.

— Если не отдадите мне дочь, я расскажу судье, что на самом деле не крестилась в храме и не предавала веру предков! — неожиданно выпалила Татьяна, прячась за моей спиной. — Наш брак в любом случае аннулируют, а вы останетесь с запятнанной репутацией. Церковь не простит обмана, особенно вам!

О таком мы не договаривались. Доказательства пока не найдены, неизвестно, крещённая Татьяна или нет. Видимо, у женщины сдали нервы.

— Какая же ты мразь, — прошипел помещик, вытирая рукавом кровь с губы. Он поднялся, еле стоя на ногах. — Ты клялась мне на кресте, что никогда и не прикаких обстоятельствах ни одна живая душа не узнает об этом.

— Может, и клялась, да только вы сами вынуждаете меня нарушить данную клятву, — уверенно ответила женщина, даже голос у неё не дрогнул. — Не препятствуйте разводу, отдайте мне Настеньку. Она боится вас. Женитесь на купчихе Елисеевой, если она любя вам, и признайте сына, а нас с дочерью оставьте в покое.

Вот это да! Значит, на самом деле Татьяна так и не перешла в синодальную веру! Это же всё меняет.

— Что случилось с тобой, Татьяна, не пойму, — процедил сквозь зубы помещик. — Али бес в тебя вселился?

Он покосился на меня, явно считая виновником всех своих бед.

— Просто я хочу жить без страха за себя и жизнь дочери, — стойко держалась она. — Лучше прожить в одиночестве, чем каждый день видеть вас и бояться.

— Без ножа режешь, паршивка, — прошипел Трухин, но уже побаивался бросаться на жену, зная, что получит от меня. — Гореть вам обоим в аду!

Он схватил шубу со стула и вылетел из столовой, грохнув дверь.

— Савва Тимофеевич, — прошептала Татьяна, покачнувшись.

Я успел обхватить женщину за талию, прижав к себе, и не смог устоять перед запахом её волос. Коснулся носом макушки, втянув аромат лесных цветов.

— Это было очень рискованно, но смело, — прошептал я, осторожно обнимая её. — Больше так не делайте, не посовещавшись со мной.

— Простите, Савва Тимофеевич. Сама не знаю, что на меня нашло. Будто кто-то нашептал, — дрожала Татьяна в моих руках, видимо откат от сильных эмоций нахлынул на неё.

— Это сила ведовская подсказала вам правильное решение.

— Что же теперь будет? Трухин отдаст мне дочь? Я боюсь за девочку, как бы он не отыгрался на малышке, — чуть ли не плача проговорила она.

— Всё будет хорошо, — я поглаживал её по спине, а у самого кровь кипела от близости и голова шла кругом от аромата женщины. Надеюсь, Егор успел уже вернуться.

Только подумал, как дверь открылась и раздался звонкий голосок:

— Мама!

— Настя?! — ахнула Татьяна, увидев малышку в меховом пальто, и кинулась к ней.

Дорогие читатели! Поздравляю вас с наступившим Новым годом!

Желаю вам крепкого здоровья, благополучия. Пусть всё задуманное непременно осуществится, а заветное желание исполнится!

Глава 16. Вместе

Глава 16. Вместе

Татьяна

Я не смогла сдержаться и заплакала, когда Настенька оказалась в моих объятиях. Стряхивала снег с её плеч, приходя в себя от шока после общения с Трухиным. Я не надеялась уже увидеть девочку сегодня.

— Мамоchка, не плачь, — пропищала она срывающимся голосом.

— Всё хорошо, просто рада видеть тебя, — я сняла с неё верхнюю одежду. — Наконец-то ты со мной. Мы больше не вернёмся домой.

— Правда? — округлила она глаза одновременно удивляясь и страшась новости. — Папа больше не будет обижать тебя?

— Не будет. У нас теперь есть защитник — Савва Тимофеевич, — посмотрела я на купца. — Мы пока проживём здесь. Я устроюсь врачом на заводе, а дальше видно будет. Главное, мы с тобой вместе. Ведь так?

— Так, мамочка, — она снова обняла меня. — Я очень скучала по тебе.

— И я скучала, — меня переполняли искренние эмоции. Настя здесь, а значит, в безопасности.

— Хороший план у вас, Татьяна Ивановна, — подал голос Холодов. — Завтра отправлю записку Трухину, чтобы передал ваши вещи.

— Спасибо вам большое, Савва Тимофеевич, — вздохнула я с невероятным облегчением. — Как вы это провернули?

— Я предвидел, что ваш муж приедет один, и на этот случай подумал о другом плане. Простите, что не поставил вас в известность, но так было нужно, — он говорил спокойно и уверенно, будто в запасе у него всегда несколько вариантов, как поступить в том или ином случае. — Егор сказал кучеру Трухина, что хозяин приказал привезти дочь повидаться с матерью, он поверил. Вместе они съездили за Настенькой, благо тут недалеко.

— Мой муж может вернуться, узнав, что дочку обманом увезли из дома, — страх не отпускал меня и долго ещё не отпустит, пока я не получу официальный развод.

— Конечно может, но я ему даже близко к порогу подойти не позволю, не переживайте, Татьяна Ивановна. Вам и Настеньке ни в коем случае нельзя выходить за пределы двора без сопровождения, — строго произнёс мужчина.

— Понимаю, — я осознавала все риски.

— Возьму ещё парочку крепких сторожей, чтобы патрулировали дом и не пускали посторонних.

— Благодарю вас, Савва Тимофеевич. Нам с дочкой очень повезло, что у нас появился такой надёжный защитник, как вы, — нисколько не преувеличивала я.

— Пойду распоряжусь насчёт дополнительной кровати в вашей комнате, — мужчина сдержанно улыбнулся и покинул столовую.

— Какие гости у нас! — со стороны кухни вышла повариха, неся поднос с чашками, сливочником, выпечкой и вареньем. — Я Настеньке чаю принесла.

— Спасибо! — у девочки загорелись глаза, когда она увидела угощения.

— Только сначала руки помой, — улыбнулась я, указав на умывальник в углу.

Пока девочка пила чай, наслаждаясь вкусами, я смотрела на неё, прокручивая мысленно в голове недавнее появление помещика. Как же стало страшно, когда он набросился на меня с кулаками. Если бы не Холодов, не знаю, что было бы. Ох и врезал Савва этому гаду от души. Помещик явно был с бодуна и, опохмелившись, не смог нормально дать отпор, хотя по комплекции, на первый взгляд, ничуть не уступает купцу.

Пока Настя пила чай, я тревожно вслушивалась в любой шорох и звук в доме, думая, что вернулся Трухин. Прошло минут десять, а он не появлялся. Неужели мой шантаж сработал и помещик решил не рисковать? Видимо, его впечатлила моя угроза аннулировать брак признанием в том, что я не предавала веру предков. Но от помещика можно ожидать чего угодно, поэтому я не рассчитываю на лёгкую победу и готова к любой ситуации.

Когда чаепитие закончилось, я отвела Настю в свою комнату, где теперь мы будем жить вместе. Это, конечно, временно, когда-нибудь у нас появится собственный дом, такой же большой и уютный.

Вечером я навестила Матрёну. Она ещё была слаба, но настрой у неё стал бодрым после того, как они с Павлом наконец-то объяснились. Утром, после осмотра, скорее всего, разрешу женщине вернуться домой.

Егор притащил откуда-то небольшую деревянную кровать для девочки. Марья Никитична застелила её и сообщила, что готова баня. Наконец-то я смогла помыться нормально, а не обтираться влажными полотенцами. Но в баню пошла, когда там стало совсем не жарко. Нельзя мне греться и париться с ещё незажившими рёбрами. Марья Никитична ловко помогла мне вымыть волосы средством, которое она сама сделала из сырых яиц, а потом прополоскала отваром из сушёной крапивы.

После бани последовал ужин. Холодов, как и обещал, весь день был дома, никуда не уезжал. Когда он рядом, мне намного спокойнее. Мы втроём сидели за столом, разговаривая о всяких пустяках, чтобы только не вспоминать Трухина и его мерзкую рожу. Вечер получился уютным при свете свечей — почти семейная идиллия.

Укладывая Настеньку в кровать, я присела на край постели, поправила пуховое одеяло на ней.

— Мама, расскажи сказку про Морозко, — устало прошептала девочка и зевнула.

— Хорошо, — согласилась я, вылавливая из памяти кадры детского фильма, — только ты помогай, если я вдруг что-нибудь забуду. Память стала подводить меня после случившегося со мной.

— Помогу, — кивнула она. — А потом поиграй на соловушке, чтобы я крепко спала?

Это она про глиняную фигурку сейчас спросила?

— Ты ведь не потеряла его? — Настя с надеждой смотрела на меня.

— Он под подушкой лежит, — вспомнила я про игрушку. — Обязательно поиграю для тебя, моя хорошая. Жили-были дед да баба...

Кажется, именно так начинаются сказки.

Я по памяти рассказала «Морозко», правда, некоторые детали Настя мне подсказывала. Всё же фильм из двадцатого века немного отличается от народной сказки, особенно лексикон. Потом я достала соловья, налила в него немного воды из графина.

Прикоснувшись губами к игрушечному хвосту, я вдруг услышала мелодию в своей голове и, набрав в лёгкие воздуха, начала тихо дуть в ритме, который сам шёл мне на ум. Переливчатая трель понеслась по комнате, наполняя пространство волшебными вибрациями. Я ощущала магию, которая исходила от игрушки. Она устремилась к девочке, окутывая её тёплой негой и умиротворением. Настя закрыла веки, расслабленно улыбаясь. Страх и тревога наконец-то покинули её, она успокоилась и быстро уснула.

Какая интересная вещица мне досталась — я разглядывала глиняную игрушку. А ведь продавщица сувенирами говорила, что соловей отгоняет нечисть и хвори. Выходит, он может ещё успокоить и сны хорошие навевать. Жаль, волшебный соловей не помог Татьяне утихомирить мужа-буяна. Это чудовище никакая магия не умирот.

Эту ночь я сама спала как младенец. Меня не тревожили плохие сновидения, но и хороших не было. Я просто провалилась в крепкий сон. Утро началось прекрасно. Меня разбудила Настя, прибежав ко мне под одеяло греться. Прислуга только собиралась топить печку, вычи-

щая золу, поэтому температура воздуха в доме за ночь ощутимо снизилась. Я обняла девочку, и мы снова задремали на часик, пока печка не начала согревать комнату.

Перед завтраком приехал Павел и забрал Матрёну домой. Её состояние здоровья было удовлетворительным, поэтому держать её у нас не имело смысла.

Холодова я увидела только в столовой. Он сообщил, что уезжает на завод, и попросил нас с Настей сегодня не выходить даже во двор. Как только он найдёт сторожей, мы сможем гулять с зимнем саду. Савва Тимофеевич даже пообещал девочке построить горку, чем вызвал восторг у ребёнка.

Также Холодов поделился, что отправил Трухину записку, попросив передать вещи для меня и дочери. Сомневаюсь, что помещик исполнит в ближайшие дни это требование. Мне кажется, Трухин ещё не до конца понял, что потерял жену навсегда, и будет цепляться за любую возможность насолить мне или причинить боль душевную или телесную — неважно — главное, чтобы супруга страдала. Просто в силу его гадкой натуры ждать хорошего не приходится.

Мы сидели с Настей в гостиной. Девочка рисовала простым карандашом на бумаге, которую принёс Холодов из кабинета, чтобы было чем заняться ребёнку. Сам хозяин уже больше часа отсутствовал. Вдруг в комнату вошла встревоженная ключница.

— Барыня, там Людмила Юрьевна просит вас принять её, — она нервно сжимала пальцы в замок. — Говорит, привезла ваши вещи, но отдаст их, ежели вы поговорите с ней. Что делать, не знаю. Хозяин велел никого посторонних в дом не впускать, особенно Трухиных. А там сани с сундуками и котомками. Вдова говорит, стеклянки ваши притащила, обратно не повезёт, выкинет всё, ежели откажете ей.

Я задумалась. Выходит, свекровушка решила нанести визит снохе. Знает, чем больше всего дорожит Татьяна, — медицинскими препаратами. Подобное добро и я не позволю выкинуть.

— Натенька, пойдёшь в комнату, — ласково произнесла я, погладив её по волосам, и обратилась к ключнице: — Марья Никитична, пустите Людмилу Юрьевну, но только её одну. Пусть Егорка вещи пока во дворе оставит, принесёт, когда гостя уедет.

Интересно, о чём мать Т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.